

Археология советского

Илья Кукулин, Мария Майофис, Мария Четверикова

Кулуарные импровизации:

СОЦИАЛЬНАЯ КООПЕРАЦИЯ, ОБХОД ПРАВИЛ
И ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА
В ПОЗДНЕМ СССР

Статья вторая¹

Ilya Kukulin, Maria Maiofis, Maria Chetverikova

Backstage Improvisation:
Social Cooperation, Circumvention of the Rules, and Processes
of Cultural Production in the Late USSR

Article Two

Илья Кукулин (независимый исследователь;
кандидат филологических наук)
ikukulin@hse.ru.

Ilya Kukulin (PhD; independent researcher)
ikukulin@hse.ru.

Мария Майофис (независимый исследова-
тель; кандидат филологических наук)
mmaiofis@hse.ru.

Maria Maiofis (PhD; independent researcher)
mmaiofis@hse.ru.

Мария Четверикова (Национальный иссле-
довательский университет «Высшая школа эконо-
номики» (Москва), студентка магистратуры)
mchetverikova@hse.ru.

Maria Chetverikova (Master's student, HSE Univer-
sity (Moscow)) mchetverikova@hse.ru.

1 Этот цикл статей подготовлен в рамках исследовательского проекта «Сети и институ-
ты в советской литературе», реализуемого в Национальном исследовательском
университете «Высшая школа экономики» в составе мегапроекта «Литература как
культурная практика и социальный опыт». Ранние варианты текста были представ-
лены в виде докладов на воркшопе проектно-исследовательской группы «Сети и ин-
ституты в советской литературе», на конференциях «Общее место: риторика, поли-
тика, культурная память» (ЛИКИ ШАГИ РАНХиГС) и «Социальная антропология

Ключевые слова: позднесоветское общество, институциональная норма, неформальная коммуникация, советский книгоиздательский процесс 1960—1980-х годов, позднесоветская литература

УДК: 303.1+304.444+821.161.1+808.2
DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_190

Это вторая из двух статей, посвященных изучению того, как работали «неписанные правила» в позднесоветском (1950—1980-е годы) литературно-издательском процессе. Предлагаемая здесь концепция основана на понятии бэкстейджей — особого типа коммуникативных эпизодов, во время которых участники обсуждают существующие нормы функционирования литературного сообщества и его институтов (почти всегда неписанные) и возможности эти нормы изменить или обойти. На основе изучения ряда биографических интервью, взятых специально для этой работы, и эго-документов советского времени показан парадоксальный статус бэкстейджей: они были важнейшим элементом позднесоветской литературной жизни, но сегодня информанты вспоминают о них с трудом, объясняя, что обсуждений было не так много, и «все [участники литературного процесса] сами всё понимали». В этой статье мы пытаемся выявить основные социальные функции бэкстейджей, причины их систематического забывания, то место, которое они в действительности занимали в повседневной коммуникации, а также значение предложенной нами концепции для осмысления процессов позднесоветского культурного производства в целом.

Key words: late-Soviet society, institutional norm, informal communication, Soviet book publishing process of the 1960s—1980s, late-Soviet literature

UDC: 303.1+304.444+821.161.1+808.2
DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_190

This is the second of two articles on the study of how the “unwritten rules” worked in the late-Soviet (1950s—1980s) literary publishing process. The concept offered here is based on the idea of “backstage” — a special kind of communicative episodes, during which participants would discuss the norms of the functioning of the literary community and its institutions — almost always unwritten — and the possibility of changing or circumventing these norms. Based on a study of a number of biographical interviews (done specifically for this work) and egodocuments of the Soviet period, the paradoxical status of the backstage is shown. It was a key element of late-Soviet literary life, but today, informants have a hard time remembering much about it, explaining that discussions were few and “everyone [participants of the literary process] understood everything.” In this article, we try to uncover the fundamental social functions of the backstage, the reasons it has been systematically forgotten, and the place that it occupied in reality in late-Soviet communication, as well as the significance of the concept we have proposed for the understanding of processes of late-Soviet cultural production as a whole.

1. Функции бэкстейджей

Первая статья из этого цикла² во многом основана на материале глубинных интервью, благодаря которым можно понять, как функционировали бэкстейджи и почему они оказались труднозапоминаемыми. При рассмотрении функций и содержательных особенностей бэкстейджей нам необходимы более подробные их описания, поэтому здесь мы в гораздо большей степени, чем в первой статье, опираемся на дневники, синхронно фиксирующие разговоры в писательской среде. На основании анализа дневников, мемуаров и интервью можно выделить ключевые *функции*, которые имели бэкстейджи.

институтов позднего СССР» (НИУ ВШЭ). Благодарим Анну Нижник, Марка Липовецкого, Евгению Вежлян, Веру Мильчину, Николая Ссорина-Чайкова и других коллег, принявших участие в обсуждении наших докладов, а также Елизавету Хатанзейскую за помощь в библиотечно-архивной работе.

- 2 Кукулин И., Майофис М., Четверикова М. Кулуарные импровизации: социальная кооперация, обход правил и процессы культурного производства в позднем СССР // Новое литературное обозрение. 2022. № 174.

Вероятно, важнейшей из них была *кооперация* между писателями и/или между писателями и редакторами, необходимая для того, чтобы добиться публикации того или иного произведения, или уже после выхода — защитить его от погромной критики. Способность к такой кооперации очень высоко ценилась в позднесоветских литературных кругах. В 1940-е и начале 1950-х годов подобные разговоры могли вести только безусловно доверяющие друг другу люди — иначе за ними мог последовать донос и обвинение в «групповщине», если не прямо в политическом преступлении. Приведем очень характерный пример бэкстейджа из переписки Лидии Чуковской с Алексеем Пантелеевым, в которой идет речь о борьбе за репутацию Александры Любарской — давней подруги Чуковской, а в 1930-е годы — ее коллеги по «маршаковской» редакции Детгиза. В 1937—1939 годах Любарская безвинно находилась в заключении и чудом вышла на свободу. В 1953 году в Петрозаводске был опубликован прозаический пересказ карело-финского эпоса «Калевала», который подготовила Любарская. 4 января 1954 года Чуковская сообщает Пантелееву:

...Я пишу по очень неприятному делу. Вы знаете, какой труд вложен Александрой Иосифовной в «Калевалу» и как она ждет отзыва об этой книге. К[орней] И[ванович Чуковский] и С[амуил] Я[ковлевич Маршак] говорили с «Новым миром», я с «Лит[ературной] газетой» — и там и тут обещают рецензии — но — ускорить этот процесс не в наших силах. А между тем сегодня ночью мне позвонил из Ленинграда наш общий с Александрой Иосифовной друг — Герш Исаакович Егудин³ и сообщил, что в Петрозаводске готовится в прессе неблагоприятная статья о «Калевале». Меня это глубоко опечалило: я нахожу работу Ал[ександры] Иос[ифовны] прекрасной; дремучий эпос, сквозь который было не пробраться, стал прозрачным, читаемым, легким, сохранив в то же время свою поэтичность. Книгу эту можно ругать только с самых мракобесных позиций — с позиций тупого педантизма, желающего, чтобы руда оставалась рудой, не превращаясь в сталь и железо. Я плохо себе представляю, чем Вы можете горю помочь, но все-таки хочу, чтоб Вы об этом знали. Ведь у Вас, кажется, в Петрозаводске есть друзья [Пантелеев, Чуковская 2011: 54].

6 января 1954 года Пантелеев отвечает, что слухи об отрицательной рецензии преувеличены: как показал его собственный разговор с Егудиным, некая аспирантка местного университета публично высказала желание такую рецензию написать, но неизвестно еще, напишет ли. В том же письме он подтверждает, однако, что опасения Чуковской не были вовсе беспочвенными, так как книга была опубликована с трудом, а руководитель Госиздата Карело-Финской ССР С.И. Лобанов⁴ был за это издание отруган неизвестным — скорее всего партийным — начальством:

Единственное, что я придумал (когда уже поговорил с Гершем Исааковичем и повесил трубку), — это написать С[ергею] И[вановичу] Лобанову и сообщить ему, что «Лит[ературная] газета» и «Новый мир» собираются положительно оценить

3 Герш Исаакович Егудин (1908—1984) — математик, друг Лидии Чуковской. Жил в Ленинграде.

4 Сергей Иванович Лобанов (1907—1955) — журналист, в 1950—1953 годах — руководитель Госиздата Карело-Финской ССР. Дружил с Пантелеевым со времен их общей учебы в петроградской школе имени Достоевского (знаменитая «ШКИД»). В личном архиве Лобанова сохранилось несколько десятков писем от Пантелеева.

«Калевалу», — в надежде, что слух этот дойдет и до аспирантки и до работников местной прессы. <...> Не могу я быть и очень откровенным в этом вопросе с С[ергеем] И[вановичем]. Как я уже говорил, вопрос этот волнует его не меньше, чем Александру Иосифовну. Ему доставалось уже за «Калевалу» [Там же: 54, 55].

В 1960—1970-е годы, судя по эго-документам, такая кооперация становится вполне рутинной и может происходить не только между проверенными друзьями, но и между людьми, которые просто близки друг другу по взглядам. Частым мотивом для кооперации является обход цензурных требований, в том числе — с помощью известных «покровителей», которые могли бы стать лоббистами конкретного произведения. Поиск таких покровителей тоже мог быть предметом обсуждения в бэкстейджах.

Писатель Марк Харитонов фиксирует в своем дневнике 28 ноября 1975 года:

Звонок из «Нового мира». Понравился мой «Меньшутин», но непроходим. «Гоголь» понравился зав. отделом прозы, хотят показать [Сергею] Наровчатovu (главному редактору «Нового мира». — *Авт.*). Но хорошо бы обезопасить квалифицированным вступлением. Может быть, дать Виктору Шкловскому? Я назвал [Давида] Самойлова [как возможного автора предисловия]. Попросили принести рассказы [Харитонов 2010: 22].

Из дневников Харитонova следует, что в ситуации, когда ему никак не удалось опубликовать свои произведения в СССР, он регулярно обсуждал с Давидом Самойловым перспективы «пробиться» — прежде всего в журнале «Новый мир». Самойлов как собеседник был важен для Харитонova потому, что он совмещал в себе социальные роли неофициального поэта и вполне успешного советского литератора, обходившегося при этом без таких подчеркнутых деклараций лояльности, какие высказывали в своих стихотворениях, например, Андрей Вознесенский или Евгений Евтушенко. Пример Самойлова показывал, что такое совмещение ролей оставалось возможным не только в относительно свободные 1960-е, но и в гораздо более политически мрачные 1970-е. Поэтому Харитонов — возможно, надеясь занять в прозе позицию, сходную с той, которую Самойлов занимал в советской поэзии, — очень ценил дружбу с Самойловым и стремился к кооперации с ним. Насколько можно судить, он воспринимал Самойлова не только как друга, но и как человека, умевшего обходить «подводные камни» редакторской и главлитовской цензуры и поддерживавшего отношения с влиятельными литературными функционерами.

Из этих функционеров Харитонova специально интересовал Сергей Наровчатov — главный редактор журнала «Новый мир», официально признанный советский поэт, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР и т.д. Вот запись из дневника Харитонova, датированная 9—11 мая 1980 года:

Когда мы гуляли возле детских каруселей, [Самойлов] стал говорить мне, что напишет о моей повести Наровчатovu. Я сказал: «Ты сначала прочти». — «Я, конечно, прочту, но напишу все равно. Мне не надо ему писать специально, мы же с ним переписываемся регулярно, просто упомяну в очередном письме, что прочел очень хорошую повесть. Наровчатov в одном письме даже выразил обиду: ему кажется, что, приезжая в Москву, я избегаю его» [Там же: 88].

К организации микрогруппового взаимодействия примыкает еще одна функция бэкстейджей — *обращение за консультацией* к опытному коллеге. Драматург Александр Гладков записывает в дневнике 6 сентября 1975 года:

Обедал у Ц.И. [Кин]⁵. Ее борьба с редактором Балашевым. За нее другой редактор Л. Шубин и Конюхова. Но Балашев мстителен и подловат и способен жаловаться в инстанции. Она просит советов. Советую пойти на минимальные уступки и тем спасти книгу⁶.

Еще одна функция бэкстейджей — *собрание разных мнений и поиск единомышленников* по сложным литературным или общественным вопросам. Большое значение в такого рода обсуждениях имело переживание эмоциональной солидарности, позволяющей выстоять небольшой группе людей, чувствующих себя гонимым и сопротивляющимся меньшинством — вне зависимости от официальных регалий. Писатель Федор Абрамов (1920—1983), в 1975 году удостоенный Государственной премии СССР, а в 1980-м — награжденный орденом Ленина, записывает в дневнике 16 апреля 1979 года:

С 10 по 15 [апреля я был] в Москве. Гнетущее впечатление. Все погрязли в суете, в своих делишках, все потускнели и измелчали. Даже [Юрий] Любимов (в споре с труппой). Душу отвел немного лишь у Лакшиных. Славно посидели. Полное взаимопонимание.

— Нас мало. Мы между молотом и наковальней, и надо держаться друг друга, — сказал Лакшин⁷.

Литераторы, связанные такими отношениями эмоциональной солидарности, могли «понимать друг друга с полуслова» (если цитировать Булата Окуджаву, который говорил о близком по смыслу групповом поддерживающем сплочении в своей песне «Давайте восклицать!»). Экспликации в такой группе могли быть минимальными. Одна из наших информанток вспомнила, что таких понимающих друг друга с полуслова или вовсе без слов людей называли «перемигивающиеся». Другая информантка упомянула о разговорах между «своими», в которых достаточно было «глазом повести».

По-видимому, в сообществах советских литераторов бэкстейджи могли одновременно реализовать две задачи: *поддерживать групповую эмоциональную солидарность* и — как уже сказано выше — *способствовать продвижению в печати ценностей и интересов группы*. Решение этих двух задач было психологически взаимосвязано, они были, если угодно, двумя сторонами одной медали: последовательная борьба за общее дело способствовала взаимопониманию и взаимной эмоциональной поддержке.

5 Цецилия Исааковна Кин (1905—1992) — критик, переводчик, специалистка по итальянской литературе и культуре. Жена советского писателя Виктора Кина, расстрелянного в ходе Большого террора в 1938 году, сама была арестована и провела много лет в лагерях и в ссылке. В описанной Гладковым беседе, по-видимому, обсуждалось прохождение через редактуру ее книги «Итальянские светотени: Заметки о литературе и культуре современной Италии» (М.: Советский писатель, 1975).

6 Цит. по републикации на сайте prozhito.org: <https://prozhito.org/note/344441> (дата обращения: 26.03.2022).

7 Цит. по републикации на prozhito.org: <https://prozhito.org/note/611487> (дата обращения: 26.03.2022).

Важнейшей функцией бэкстейджей была *перспективная или ретроспективная рефлексия* «правил игры», необходимая актерам для того, чтобы они лучше понимали эти правила и/или для того, чтобы могли использовать это знание в будущих совместных действиях.

В «пробивании» книг и статей через цензуру большое значение имело определение — часто в диалоге со знающими коллегами — «правильного», идеологически подходящего момента для публикации того или иного произведения или журналистской статьи и вообще обсуждение эффективных риторических и аппаратных ходов, необходимых для того, чтобы обойти сопротивление редакторов, цензоров и/или партийных функционеров. Физик, журналист и литературный критик Николай Работнов (1936—2006) писал в дневнике 21 июня 1978 года:

Читаю злободневную публицистику Черниченко «Про картошку» и Шубкина «Пределы»⁸. Второе название, в отличие от первого, не очень понятно. Черниченко брызжет материалом, задыхается, держать себя в узде ему удается с гораздо большим трудом, чем лисе Шубкину. Но обе работы очень полезные — именно так нужно сейчас уметь писать и именно такое — уметь напечатать. Черниченко, как говорит Владимир Яковлевич [Лакшин], добился личной встречи с Фомичёвым, первым цензором («смазал» статью цитатами из Лёни [Брежнева] и пробил)⁹.

Вариантом такого рода бэкстейджей были ретроспективные обсуждения того, как могла быть дозволена та или иная публикация, явно нарушающая привычные нормы цензурно допустимого, — с извлечением необходимых уроков на будущее. Так, 28 сентября 1981 года Марк Харитонов записывает:

...Зашел к Искандеру... <...> [Он сказал о] возможности моей публикации:

— Нет, иногда проходят самые неожиданные вещи. Знаешь, в Ленинграде есть такой прозаик... как его?.. Федор Абрамов. У него напечатали такую вещь, «Две зимы и три лета», я просто диву давался, там такие резкие вещи. Попробуй я написать, как распространяли заем, — ни за что бы не пропустили.

— То-то и оно, — сказал я. — Он все же пишет об этом как советский человек, а у тебя сразу почувствовали бы: не наше [Там же: 114]¹⁰.

-
- 8 Социолог, доктор философских наук Владимир Шубкин (1923—2010) в своей статье-эссе (*Шубкин В.Н.* Пределы // Новый мир. 1978. № 2. С. 187—217) предлагал создать в СССР службу для изучения покупательского спроса, анализировать социальные причины алкоголизма и преступности, влияние процессов урбанизации на человеческую психику, эмоциональность современного человека — то есть заниматься всем тем, чем социологам в СССР заниматься не разрешалось. Юрий Черниченко (1929—2010) — журналист, регулярно писавший о сельском хозяйстве. В статье «Про картошку» (Наш современник. 1978. № 6. С. 113—165) он де-факто говорил о неэффективности колхозного производства и об эффективности личных «приусадебных» хозяйств, показывая, что 62 % всего урожая картофеля в СССР производилось на тот момент на личных участках. С точки зрения советской идеологии такое превознесение индивидуальной инициативы над коллективными обобщественными хозяйствами было несомненным «криминалом».
- 9 Василий Фомичёв (1915—1984) на описываемый момент — заместитель начальника Главлита СССР. Текст Работнова цитируется по публикации на prozhito.org: <https://prozhito.org/note/18767> (дата обращения: 26.03.2022).
- 10 Роман Ф. Абрамова «Две зимы и три лета» (1967, первая публикация: Новый мир. 1968. № 1—3) изображает тяжелую, голодную жизнь колхозников в послевоенной деревне. В частности, в нем описано, как уполномоченный райкома партии и пред-

Очень большое значение для бэкстейджей имело обсуждение границ возможного и невозможного, изменение эстетических, цензурных и поведенческих норм. Очень остро такими смещениями интересовался А. Гладков, который комментировал их в своих частных текстах начиная с 1940-х годов (в письмах к брату из Магадана, где он тогда работал в качестве вольнонаемного¹¹). Но его дневники свидетельствуют о том, что он находил и других собеседников для обсуждения того, как изменяются ожидания и нормы допустимого. 9 января 1975 года Гладков записывает:

...Письмо от Маргариты Алигер. Она пишет, что мой отклик на «В последний раз» был одним из первых¹². «<...> Я так твердо убеждена, что воспоминания наши о пережитом — сейчас самое главное, самое интересное в литературе. В них все-таки, все-таки, все-таки удастся несколько расширить рамки истины и кое-что осмыслить и восстановить по правде. И писать их, пожалуй, интереснее всего, сам для себя столько открываешь и объясняешь»¹³.

Такие беседы о границах возможного и невозможного, как свидетельствуют взятые для этого проекта интервью, резко активизировались во время разного рода писательских совещаний, в особенности совещаний молодых писателей и критиков, которые стали важным элементом советской литературной жизни начиная с 1960-х годов.

2. Содержательные аспекты бэкстейджей

Если говорить о содержательных аспектах бэкстейджей, то, по-видимому, важной их темой были *финансовые вопросы* — и чаще всего не гонорары как таковые, а возможности дополнительного литературного заработка. Если не считать особо статусных или «номенклатурных» авторов (членов руководства Союза писателей и т.п.), советские литераторы далеко не всегда могли похвастаться высокими доходами — впрочем, с оговоркой о том, что помимо денег как таковых писатели и критики имели право на ряд социальных льгот: поездки в дома творчества, пользование специальными медицинскими учреждениями и т.п.

Очень распространенной формой легального заработка писателей были переводы. Для поэтов, которых не публиковали вовсе или публиковали мало, стихотворные переводы могли быть даже не дополнительной, а основной формой заработка — и писатели регулярно обсуждали друг с другом или с внелитературными знакомыми, насколько стоит тратить силы на переводы, и насколько на оригинальное творчество. 31 января 1976 года М. Харитонов записывает свой разговор о стратегии литературной работы с Давидом Самойловым:

седатель колхоза с помощью психологического давления (например, разговаривая с одним из героев, председатель угрожает тому увольнением жены, которая работает счетоводом) добиваются того, что крестьяне весь свой небольшой заработок за много месяцев отдадут на «добровольную» покупку облигаций государственного займа.

11 Письма опубликованы в кн.: [Горяева, Антипина 2015].

12 «В последний раз» — воспоминания поэтессы М.И. Алигер о встречах с А.А. Ахматовой. Первая публикация: Москва. 1974. № 12. С. 149—179.

13 <https://prozhito.org/note/344322> (дата обращения: 26.03.2022).

Заговорили о том, можно ли прожить на литературу без переводов. Он стал подсчитывать: с 1958 года у меня вышло 5, ну, будем считать 6, книжек общим объемом столько-то листов, столько-то строк, по 1 руб. 40 за строку, практически все прежде печаталось в журналах, все это перемножим... Получается примерно 100—120 рублей в месяц. Я сказал: «Но если бы ты не занимался переводами, ты бы больше писал своего. Душа все-таки занята». — «Нет, — сказал он. — Вот сейчас я вполне могу не заниматься переводами. Но больше, чем могу написать, не напишу. Я в год вряд ли пишу больше 500 строк. Это, конечно, индивидуальный случай. Есть люди много пишущие. Вот Евтушенко — много пишет. А Белка Ахмадулина не занимается переводами и все равно мало пишет [Там же: 26].

Еще одним способом «подкормки» были внутренние рецензии в журналах и издательствах, которые поручилась внештатным сотрудникам, в том числе и таким, которые опять-таки не имели других возможностей заработка. Одна из информанток вспоминает:

Была система внутренних рецензий. И в отделе прозы, и в отделе поэзии был список «своих» внутренних рецензентов, то есть тех, кому мы хотим помочь денежно. Которые не могли работать официально в силу тех или других причин — или идеологических, или семейных, или каких-либо иных, но на самом деле это были прекрасные люди. <...> Людмила Петрушевская таким образом подрабатывала в «Новом мире»¹⁴.

Когда рецензент получал на внутреннюю рецензию большую рукопись, например толстый роман, он говорил: «Ой, как хорошо!» Потому что выплаты зависели от объема. Начальники, которые у нас сидели на втором этаже, видимо, воспринимали эти выплаты как луковку, за которую можно вытащить потом из ада — помните притчу в «Братьях Карамазовых» Достоевского? Они понимали, что нельзя уже совсем оставить голодными, босыми, несчастными и умирающими писателей, которые не печатаются (И-7).

Иное мнение о составе внутренних рецензентов высказывает В. Матусевич:

...Рецензирование как в редакциях журналов, так и в издательствах изначально было задумано как кормушка для простаивающих писателей и многих других литературных и околотрудовых людей, знакомых и друзей начальников и редакторов. <...> Только в нашей редакции на рецензиях кормилось, наверное, человек 20—30. Из них наиболее постоянными были бывшие редакторы «Совписа»... (то есть издательства «Советский писатель». — Авт.) [Матусевич 2000: 179].

Информантка, которая работала редактором позже, в период перестройки, представила систему внутренних рецензий как устойчивую практику взаимной финансовой поддержки, действовавшей между разными литературными организациями:

14 Писатели могли не иметь заработка далеко не только по идеологическим причинам. Один из наших информантов рассказывает: «Отсутствие публикаций могло иметь далеко не всегда политические причины. Бывало по-всякому. Например, книга стоит в плане и, может быть, выйдет через пять лет. Но, может быть, ее выход потом еще раз будет отсрочен» (И-3).

Существовало такое, как говорят, «перекрестное опыление». В издательстве был фонд на внутреннее рецензирование, и, например, сотрудники одного издательства брали рукописи другого издательства и наоборот. Эти рецензии потом попадали к штатным сотрудникам и дальше никуда не шли, они никогда не должны были попадать в руки авторам. <...> Эти внутренние рецензии, конечно, помогали сотрудникам. Не сказать, чтоб у редакторов были большие зарплаты. Нельзя же было перекинуть оттуда сюда [выделенные средства из одного журнала в другой], поэтому делали вот так (И-10).

Вероятно, и наши информанты, и Матусевич правы, но они описывают разные аспекты одного и того же довольно масштабного социального явления. Из этой разнородности внутренних рецензентов и отношения к ним следует, что редакционные разговоры о такого рода «подкормках», о выборе рецензентов и т.д. были бэкстейджами.

С выплатами можно было «играть», что, вероятно, тоже требовало дополнительных согласований-бэкстейджей. Один из наших информантов вспоминает:

Ты платишь исходя либо из объема рецензии, либо чуть-чуть больше, чем нужно было бы исходя из объема. Дальше кому-нибудь из того же номера журнала, может быть, ты немножко «срежешь» гонорар (И-3).

В 1950—1980-е неформальная кооперация советских писателей во многих случаях была направлена на изобретение и реализацию разнообразных способов денежной «подкормки» друзей, учеников или членов «своей» неформальной группы.

В бэкстейджах обсуждалось — а часто и осуждалось — *иерархическое устройство писательской жизни*, очень далекой от принципов социальной справедливости¹⁵. 31 января 1976 года Марк Харитонов пересказывает в дневнике филиппику Давида Самойлова:

О психологии начальства С[оюза] П[исателей]. В Доме литераторов для начальства есть бесплатный буфет. «У меня все-таки не укладывается: и им не стыдно? <...> Во время поездок простые писатели едут в четырехместном купе, а начальство — в двухместных. Они, избранные мной же, на мои же деньги едут. Это уже люди с извращенными ценностями» [Харитонов 2010: 26].

Еще одной темой были *возможности сопротивления прессингу со стороны государственных органов, цензуры и спецслужб*. Такое сопротивление могло выражаться в индивидуальных «тактиках ускользания». 23 января и 3 февраля 1974 года Александр Гладков рассказывает о поездке Юрия Трифонова в Ленинград. Гладков последовательно излагает два разных мотива одного и того же поступка Трифонова — возможно, эти несовпадающие объяснения принадлежат разным собеседникам Гладкова. Но и в том и в другом случае, по описаниям Гладкова, Трифонов пытается не дискредитировать себя полностью в глазах руководства Союза писателей и в то же время поступить по совести:

15 Подробно об этой иерархичности написал Владимир Войнович в сатирической повести «Шанка» (1987), по которой в 1989 году он совместно с Григорием Гориним написал пьесу «Кот домашний средней пушистости».

...Юра [Трифонов] уехал в Ленинград, чтобы не присутствовать на заседании бюро секции прозы, где должны были исключить Войновича. Из 14 членов бюро такими хитрыми оказались десятеро, и из-за отсутствия кворума заседание не состоялось¹⁶.

<...> Юра Трифонов «вернулся». На него была настоящая охота, организованная [Александром] Чаковским¹⁷, чтобы заставить его высказаться о Солженицыне. Но он улизнул¹⁸.

Такие пассажи показывают важнейшее отличие бэкстейджей от гофмановского «закулисья»: поведение на «авансцене» могло не быть повторением привычных сценариев — напротив, оно могло быть нарушением конвенций, но нарушением продуманным, заранее отрефлексированным, подобно поступкам-жестам будущих декабристов, которые описывал Ю.М. Лотман в статье «Декабрист в повседневной жизни» (1975). Особенность позднесоветских социальных конвенций состояла в том, что они в некоторых случаях допускали возможность группового саботажа, подобного описанному выше («Из 14 членов бюро такими хитрыми оказались десятеро»). Безусловно, такой саботаж был эксцессом, но советские администраторы не всегда могли наказать его виновников, если их было несколько, а сами эти виновники имели достаточный «аппаратный вес»: при доведении описанной Гладковым ситуации до партийного начальства руководство Московской организации Союза писателей могло быть обвинено в том, что оно неспособно справиться с собственными подчиненными.

Постепенно ухудшающаяся, или, во всяком случае, безнадежная обстановка 1970-х привела к появлению новой темы бэкстейджей. Писатели стали обсуждать в разговорах между собой, *имеет ли смысл в принципе соблюдение легальных культурных конвенций* и не стоит ли вообще выйти за пределы советского литературного поля: передать новые рукописи в самиздат или в «тамиздатские» журналы, эмигрировать из СССР. Поэт, переводчик, прозаик и редактор Евгений Витковский вспоминал о показательном диалоге с Семеном Липкиным:

В начале 1970-х годов, когда нас впервые познакомил Аркадий Штейнберг, я, уже прочитав первый вышедший в СССР поэтический сборник Липкина («Очевидец», 1967), спросил: что за удовольствие такое — издавать свои стихи в изувеченном цензурой виде. Мудрый Липкин кратко ответил мне, видимо, давно заготовленной фразой: «Я привык с уважением относиться к станку Гутенберга»¹⁹.

Подлинный смысл вопроса Витковского состоял в том, почему Липкин не распространяет свои стихи в самиздате, вместо того чтобы отдавать их в советскую печать, а ответ Липкина означал, что ему важно широкое распространение

16 <https://prozhito.org/note/344124> (дата обращения: 26.03.2022).

17 Александр Чаковский (1913—1994) на описываемый период — главный редактор «Литературной газеты», кандидат в члены ЦК КПСС.

18 <https://prozhito.org/note/344134> (дата обращения: 26.03.2022).

19 Из вступительной заметки к избранным переводам Липкина на сайте «Век перевода»: <https://www.vekperevoda.com/1900/slipkin.htm> (дата обращения: 26.03.2022). Заметка не подписана, но из кураторов сайта (Евгений Витковский и Валерий Вотрин) только Витковский по возрасту мог бы вспоминать о подобном эпизоде, так что следует предполагать, что заметка написана им.

своих стихов — хотя бы и сильно «отредактированных». Здесь мы сталкиваемся с еще одной особенностью бэкстейджей, о которой вспоминают и информанты, дававшие интервью для нашего проекта: несмотря на то что разговор шел в неофициальной обстановке, собеседники все равно пользовались условным языком хотя и не эзоповского типа, но все же содержащим иносказания и/или недоговоренности.

Уход в самиздат или тамиздат, вынужденный — из-за усилившихся цензурных гонений — или добровольный — из-за радикализации и усиливавшихся расхождений с официальной линией — требовал существенной психологической «перенастройки», в целом фундаментального изменения самоидентификации. 22 ноября 1983 года Марк Харитонов записывает в дневнике разговор с Фазилем Искандером, который в этот момент явно балансирует на грани между самосознанием лояльного и неподцензурного литератора: он то надеется на помощь ЦК КПСС (как надеялись на нее советские писатели старших поколений), то выражает желание эмигрировать. Этот разговор читать особенно удивительно, если помнить, что за год до него, в 1982 году, Искандер опубликовал в американском издательстве «Ардис» достаточно радикальную политическую притчу «Кролики и удавы», откровенно высмеивающую утопический идеал коммунизма (под названием Цветной Капусты). У автора такой притчи, казалось бы, не должно было оставаться веры в спасительность вмешательства со стороны ЦК — равно как и вопросов о том, какие именно «лучи прожектора» на него направлены. И здесь же Искандер проговаривает, что его удерживает от дальнейшей радикализации и окончательного ухода в неподцензурную литературу: привычка к жизни на литературный заработок.

Монолог писателя, как и в случае вышеприведенной цитаты из дневника Кондратовича, направлен не на кооперацию, но на поиск понимания со стороны собеседника. В целом этот бэкстейдж очень интересен как пример рефлексии, осуществляемой на экзистенциальной границе: стоит ли подчиняться советским правилам, если писатель потерял веру в их осмысленность, а если все-таки стоит, то почему.

Заглянул по пути к Фазилю. Он мрачен, жалуется, что его не печатают (целых полгода!), считает, что на него лично «направлены какие-то лучи прожектора», писал об этом резкое письмо в ЦК, считает, что и мне нужно то же. <...> Мое развитие[, — говорит Искандер, —] происходит так, что все мои темы, мысли только углубляются и обостряются с годами, мне кажется, что я что-то глубже понимаю, но то, что я пишу, оказывается все меньше и меньше печатным. И я не знаю, что с этим делать. Уже даже в отрывках нельзя предложить некоторые вещи. При самом большом желании этого не напечатают, а при среднем желании не напечатают и остального. У меня до сих пор так удачно складывалось, что ошметки того, что я пишу, удавалось напечатать и на это жить. Я за все время почти не занимался халтурой, ну, может, полгода за все время. Как-то перевел два стихотворения Киплинга... мне не понравилось... что-то для театра. Если бы можно было не печататься, писать и на что-то жить. Денег осталось на полгода, тут еще ребенок, мы няньку взяли... Не знаю, что будет... (Я передаю слова Фазила, упуская собственные вопросы и фразы. Например, я спросил: «Сколько времени тебя не печатают?» — «Полгода». Я с трудом сдержал улыбку: разве это срок?) — Я иногда думаю: будь я лет на десять моложе и понимай то, что понимаю сейчас, я бы махнул на все рукой и уехал отсюда. Жил бы внутренне спокойно за границей и писал [Там же: 157].

На протяжении 1981 года Харитонов фиксирует разговоры с разными людьми о том, стоит ли печататься за границей, когда возможностей опубликоваться в СССР нет — и высокие оценки своей прозы со стороны коллег воспринимает как дополнительный аргумент в пользу передачи рукописей для тамиздата:

3.03.81. ...Вечером заехал к Померанцу, туда пришел Хазанов Геннадий Моисеевич, о котором я слышал как о писателе, печатавшемся в [эмигрантском] журнале «Время и мы»²⁰. Симпатичный, образованный, с юмором человек. Очень хорошо прочел мою вещь, очень высоко оценил. Гриша [Померанц] заговаривал о возможности напечататься за границей, я сказал, что в течение года надо будет, видимо, на это решиться.

<...>

18.09.81. <...> ...Поехал к [Леониду] Баткину. Его, оказывается, в августе вызывали для беседы на Лубянку. Разговор касался «Метрополя»...

Говорили о публикациях. Ему ничего не светит. Он удивляется моей «стойкости»; пояснил: я [то есть Харитонов] не пытаюсь передать рукописи на Запад. «Рукописи все-таки горят, что бы ни говорил Булгаков. А книги остаются. Я не хочу преувеличивать свою болезнь, но все-таки она мне напомнила, что все может оборваться. Я потерплю еще год-другой, потом буду искать способ напечататься»... [Там же: 101, 113]

Важнейшей темой бэкстейджей была *фракционная борьба в Союзе писателей*, о которой уже говорилось в приведенной выше цитате о необходимости выбора между «Новым миром» и «Октябрем». В 1970-е борьба шла между «либералами» (или «западниками») и «патриотами» («почвенниками»). Один из наших информантов вспоминает:

...Это же сказки венского леса, что гражданская война в литературе началась только во время перестройки! Она шла, и довольно активно... в первой половине 1980-х. Может быть, я сейчас что-то додумываю, но мне помнится, что мы [во время совещаний молодых критиков] постоянно обсуждали политические альянсы в литературе. Тогда уже вполне оформилось то движение, которое позже Николай Митрохин назвал «русская партия»: круг писателей и критиков — агрессивных шовинистов и антисемитов. У них под контролем были журналы, целые издательства, к которым и евреям, и вообще «либералам» и на пушечный выстрел нельзя было подойти. Но между партиями шовинистов и «либералов» шла борьба за новые издания. Например, в 1978 году был возобновлен закрытый за несколько десятилетий до того журнал «Литературная учеба». Мы все восприняли: появился новый журнал для молодых авторов, в котором можно будет печататься. Но «правые» постепенно его прибрали к рукам. То же самое происходило с альманахом «Современная драматургия», созданным в 1982 году: была надежда, что он станет радикально новым изданием. А потом отдел критики в этом альманахе, потом журнале, возглавил заметный автор «правых» Владимир Бондаренко — до сих пор довольно активная фигура — и он установил там свои порядки (И-6).

20 Харитонов смешивает псевдоним и реальное имя Геннадия Моисеевича Файбусовича (1928—2022), публиковавшегося под именем Борис Хазанов. В 1982 году Хазанов эмигрировал в Германию. В 2013 году в петербургском издательстве «Алетейя» издана его переписка с Марком Харитоновым 1995—2011 годов в двух томах.

Для двух этих культурно-политических движений долго не было устоявшихся названий — например, Александр Гладков в своем дневнике иронически называет представителей русского этнонационализма «русситами». В 1975 году он записывает пересказы своих разговоров с Николаем Смирновым (1898—1978)²¹, писателем старшего поколения, занимавшим сложное промежуточное положение между националистической «русской партией» и «либералами». Гладков расспрашивал Смирнова о том, какие критические выступления собираются опубликовать «русситы» (они «ненавидят Паустовского и намереваются его разоблачить, как Катаева» — здесь Смирнов пересказывает известные ему бэкстейджи националистов), а после публикаций одной из таких статей писатели обсуждают ее в телефонном разговоре:

20 ноября 1975 г. <...> Звонок Н.П. Смирнова. Он взволнован статьей [Михаила] Лобанова в № 11 «Молодой гвардии», где бранят Паустовского как писателя. Лобанов — «руссит» и приятель [Леонида] Леонова, и подначка того, вероятно. Это чистый сальеризм, если так. Зависть к читательской любви к К[онстантину] Г[еоргиевичу].

Здесь очень значима фраза: «...приятель [Леонида] Леонова, и подначка того, вероятно». В бэкстейджах обсуждались не только собственные кооперации, но и чужие, например кто из влиятельных фигур может стоять за той или иной громкой публикацией или мероприятием, какая коалиция могла сформироваться для проведения в публичную сферу того или иного решения или текста. Леонид Леонов, как стало понятно из новых исследований (например, из книги Николая Митрохина «Русская партия»), был близок по своим взглядам к националистическому движению в Союзе писателей, но старался оставаться в тени и не выступать с резкими публичными заявлениями. А Михаил Лобанов, писатель и литературовед, автор монографии о романе Леонова «Русский лес» (М.: Советский писатель, 1958), напротив, был к таким высказываниям очень расположен.

Как уже сказано, писатели обсуждали между собой критерии отбора текстов для того или иного журнала и сравнивали политику разных журналов — но важно, что пытались и спорить с сотрудниками редакций об этих критериях и настаивали на необходимости их изменения. Это могло приводить к тому, что обе стороны эксплицировали свои эстетические позиции. Марк Харитонов в своем дневнике за 1988 год пересказывает дискуссии с сотрудниками журнала «Знамя», происходившие уже во время перестройки, когда рамки политически дозволенного быстро расширялись. «Знамя» тогда было одним из литературных изданий, наиболее активно реагировавших на либерально-эмансипационную программу М.С. Горбачева и А.Н. Яковлева. Однако в беседах с Харитоновым сотрудники редакции прямо сообщали ему, что не намерены публиковать стилистически сложную прозу, даже из числа «возвращенной» литературы (на-

21 Николай Павлович Смирнов — прозаик, поэт, литературовед. В 1920-е годы входил в литературную группу «Перевал», работал в журнале «Новый мир» секретарем редакции. В 1934—1938 годах был в заключении. В 1961—1970 годах, живя в Москве, регулярно печатал статьи в парижской газете «Русские новости» (в том числе рецензию на «Лолиту» В. Набокова!) и готовил для публикации в этом издании фрагменты из произведений советских писателей. Стихотворения Смирнова на религиозные темы и поздняя мемуарная проза изданы посмертно.

пример, Платонова) — а ориентируются на традиции «Нового мира» времен Твардовского (уже в 1989 году публикационная политика «Знамени» изменилась, но сейчас речь не об этом). По-видимому, редактор, ориентируясь именно на опыт Твардовского, ассоциировала политическую «прогрессивность» и эстетику «добротного реализма». Она даже фактически дезавуировала намерение опубликовать прозу Харитонова, которое прежде, в годы застоя, высказал Владимир Лакшин. Во времена перестройки Лакшин стал заместителем главного редактора журнала. Намекая, что теперь и Лакшин бы не стал публиковать повесть Харитонова, редакторша тем самым взяла на себя ответственность за формулировку откровенно консервативной эстетической программы журнала.

7.09.88. ...Позвонила редакторша из «Знамени»: «“Сторож” очень понравился, читала взахлеб, но думаю, шансов это у нас не имеет, слишком иррационально, а у нас ориентация на добротную реалистическую прозу, типа старого “Нового мира”. Может, это и ограниченность, но не может же журнал становиться альманахом». Я ей сказал, что не вижу в журнале какой-нибудь эстетической позиции и вообще литературы, есть публицистика, по-своему интересная, но перечитывать ее не обязательно. «Вы бы сейчас Платонова не напечатали?» — «Да, “Чевенгур” мы не напечатали», — согласилась она. Я попросил ее высказать свое мнение [Владимиру] Лакшину²², напомнить ему о нашем давнем разговоре, когда он сказал о «Меньшутине»: «Будь моя воля и будь нормальная общественно-литературная ситуация, я бы эту вещь напечатал не глядя, но потом отдал бы на съедение критике». Она сказала: «Обязательно напомню. Но тогда он был консультантом журнала “И[ностранная] Л[итература]” и не имел власти» [Там же: 223–224].

В редких случаях участники бэкстейджей могли занимать метапозицию, то есть сравнивать обсуждение «правил игры» и форм кооперации в разные эпохи советской истории. Один из таких случаев зафиксирован в дневниковой записи того же Марка Харитонова от 7 июня 1980 года:

Вчера позвонил Женя Попов, потом пришел... Разговор о литературе, о литературной ситуации, об отъезде Аксенова²³. О 60-х годах: тогда Аксенов, Евтушенко и Вознесенский, по сути, помогли власти заделывать трещины; они говорили подросткам, которые готовы были строить баррикады: не надо, попробуем по-другому, все-таки эта власть не такая плохая. А власти это не поняли. Разговоры его с Аксеновым об изменившейся ситуации: в 60-е годы можно было за что-то бороться, объясняться с властями, добиваться продвижения достойных людей. Сейчас не о чем и не с кем стало говорить... [Там же: 89]

Здесь Аксенов — в пересказанном разговоре с Евгением Поповым — не только объясняет, почему он не хочет соблюдать советские «правила игры» и собирается эмигрировать, но и рассказывает о том, почему он был готов соблюдать эти правила прежде: в 1960-е годы срабатывали бэкстейджи, которые позволяли согласовывать интересы писателей и политических элит. Благодаря этому было возможно рекрутирование в литературу новых сил. Теперь же —

22 На описываемый момент В.Я. Лакшин был первым заместителем главного редактора журнала «Знамя».

23 В.П. Аксенов эмигрировал в США через месяц с небольшим после описываемого разговора — 22 июля 1980 года.

в 1980-м — политические элиты перестали интересоваться таким рекрутированием и вообще обновлением культурного ландшафта, что дает Аксенову моральное право «выйти из игры».

3. Речевое окружение бэкстейджей

Из приведенных цитат видно, что сами участники разговоров в литературной среде 1950—1980-х годов не воспринимали бэкстейджи как особый тип коммуникации. У бэкстейджей было характерное *речевое окружение* — они были чаще всего вплетены в беседы о бытовых и рабочих вопросах, пересказы чужих разговоров, слухов и сплетен. Один из наших информантов описывал свои визиты в редакции толстых журналов в Москве и в регионах следующим образом:

Редакция журнала — это вообще было место, куда можно было прийти, посидеть, поболтать. Тебе там обязательно нальют кофе, а может, и чего-нибудь покрепче... Всегда можно было покурить: все сотрудники курили у себя в кабинетах. Иногда редакторы говорили: «Слушай, мне надо работать, иди. Ты пришел тут языком чесать, а у меня работа стоит». Но в принципе в журналах была именно разговорная культура, причем в Москве это было устроено так же. Я помню, когда я приезжал в Москву уже в более поздние времена, я ходил по редакциям, где у меня что-то было запущено или я собирался что-то запустить. И во все эти редакции тоже всегда можно было прийти, чтобы поговорить. Там всегда принимали как дорогого гостя: «Давай зайдем еще туда, в этот кабинет, там еще тебя не видели...» (И-6).

Показать такую «вплетенность» бэкстейджей в повседневные разговоры можно на примере эпизода, который Николай Работнов описывает в своем дневнике за 21 января 1978 года. Работнов рассказывает о борьбе московских писателей против вмешательства властей в работу Театра на Таганке, ссылаясь, в свою очередь, на разговор с Владимиром Лакшиным (на тот момент консультантом редакции журнала «Иностранная литература»). Со слов того же Лакшина он пересказывает ответную отповедь, которую дал группе «защитников Таганки» секретарь ЦК КПСС по идеологии Михаил Зимянин²⁴. Чтобы понять специфику рассказанной Работновым истории и место бэкстейджа в ней, нужно восстановить некоторые детали культурного контекста конца 1970-х годов.

В это время главный режиссер театра Юрий Любимов становится все более востребованным (с середины 1970-х его регулярно приглашают ставить оперные и балетные спектакли в других странах) и в результате этого — все более

24 Вскоре после встречи, которую описывает Лакшин (она состоялась 6 января 1978 года), Зимянин воспроизвел свою отповедь в докладной записке, направленной в ЦК КПСС. Недавно эта записка была опубликована на сайте Проектной лаборатории по изучению творчества Юрия Любимова и режиссерского театра XX—XXI веков в составе Высшей школы экономики: <https://hum.hse.ru/lyubimov/zimyanin/dokladnaya> (дата обращения: 13.04.2022). Из записки видно, что, несмотря на большое количество «передаточных» инстанций (минимум три: кто-то из писателей, защищавших Любимова, — Лакшин — Работнов), содержание разговора Зимянина с делегацией защитников Театра на Таганке было пересказано в дневнике Работнова довольно точно — с оговоркой о том, что в записке партийного функционера ничего не говорится об Аксенове. По воспоминаниям В. Смехова, сам Любимов отзывался о Зимянине преимущественно матом, но, скорее всего, Зимянин и «прикрывал» режиссера в ЦК [Велехов 2020].

эстетически и политически независимым от советских инстанций. Поэтому Любимов оказывается одной из центральных, международно признанных фигур «либерального» фланга советской культуры. В этой ситуации власти одновременно оказывали Любимову поддержку и осуществляли на него серьезное давление²⁵. В 1977 году Театр на Таганке впервые гастролировал во Франции — позволение туда выехать, хотя и было обставлено идеологическими условиями²⁶, по советским меркам было знаком несомненного благоволения властей. В том же году режиссер был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Однако после премьеры — и она состоялась в том же 1977 году — поставленного Любимовым спектакля «Мастер и Маргарита» (права инсценировать знаменитый роман лидер Театра на Таганке добивался с 1967 года) в «Правде» появилась статья с идеологическим осуждением спектакля — которую, вероятно, многие читатели могли воспринять особенно болезненно потому, что о проблемах Любимова с цензурой было известно давно. Шумный успех гастролей, на которых театр показывал «Гамлета» с В.С. Высоцким в главной роли, тоже мог вызвать слухи о дальнейших репрессиях в адрес режиссера.

После этого контекстуализирующего введения обратимся к дневнику Николая Работнова:

Заезжали к Лакшиным. Потом Владимира Яковлевича подвезли в редакцию «Иностранной литературы». Рассказывал о поездке на Сахалин, куда он поехал «почти по рецепту Власа Дорошевича». Тот собирался прикинуться беглым бродягой, а я прикинулся театральным критиком. Чувствовал себя в точности Хлестаковым. Встречали с цветами и транспарантом. Рассказывал, как Вознесенский, Евушенко и [Трифонов] (или Бондарев?) вступались за Любимова, отписали Брежневу²⁷. Их тут же пригласил Зимянин: «Ну, что же вы, товарищи. Беспокоите руководство. Мы оценили гастроли исключительно высоко. Строим театру здание. Только что дали артистам 48 квартир. Все тихо, все спокойно. Васе Аксенову тоже в Париже созывали прессу. Подруга позвонила из Москвы, что сняли его вещь из “Нового мира”. Ну, парижский воздух подействовал. Он стал апеллировать к публике. А вещь-то напечатали — мы еще не знаем, что такое, не видели»²⁸.

Как свидетельствует письмо В.П. Аксенова к первому секретарю Союза писателей СССР Г.М. Маркову от 15 февраля 1978 года²⁹, в 1977 году писателю было отказано в публикации сразу двух произведений, прежде уже принятых к печати — повестей «Поиски жанра» в журнале «Новый мир» и «Золотая наша

25 Эта ситуация изменилась в сторону «чистого» прессинга после 1980 года, и в 1983 году Любимов фактически эмигрировал (формально просто продолжая работать за границей).

26 Помимо тогдашнего «хита» Таганки — шекспировского «Гамлета» — партийные «кураторы» Любимова обязали его показать во Франции его давнюю, но «идеологически выдержанную» постановку — инсценировку книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (1965).

27 Участниками встречи, согласно записке Зимянина, были Е.А. Евушенко, А.А. Вознесенский, Г.Я. Бакланов и Д.В. Трифонов. Ю.В. Бондарева там не было. Очевидно, Работнов или Лакшин перепутали Бондарева с Баклановым как «писателей военной темы».

28 <https://prozhito.org/note/18712> (дата обращения: 26.03.2022).

29 Опубликовано в: [Аксенов 2015: 402—403].

железка» в журнале «Даугава» (поэтому утверждение Зимянина о том, что Аксенов якобы узнал о запрете спонтанно — от «подруги», «позвонившей из Москвы», — было, скорее всего, заведомой ложью, направленной на перевод внимания с цензурных проблем Аксенова на якобы присущие писателю взбалмошность и пристрастие к женщинам). После устроенного Аксеновым публичного скандала «Поиски жанра» были все же опубликованы в «Новом мире», но отказ в публикации «Железки» был подтвержден³⁰. Кроме того, у Аксенова не приняли к печати новый сборник прозы.

Упоминание о кооперации писателей для борьбы за Театр на Таганке может быть понято как «ретроспективный бэкстейдж»: реакция Зимянина на демарши Василия Аксенова и группы «защитников Таганки» в пересказе Работнова выглядит как попытка смягчить ситуацию, когда консолидация известных писателей против решений ЦК становится слишком заметной, чтобы на нее не реагировать. В результате гонимые художники получают некоторые блага (Юрий Любимов — квартиры для артистов и новое здание театра, Аксенов — публикацию в журнале). Однако этот бэкстейдж возникает в дневнике как элемент длинной цепочки разнообразных баек, рассказанных Лакшиным сначала у него дома, а потом в машине по дороге в редакцию.

Теперь можно описать еще одну причину, по которой бэкстейджи редко запоминались: они были вплетены в повседневную или профессиональную коммуникацию или в разговоры на политические темы, которые были вполне в ходу в литературных кругах — во всяком случае, между доверяющими друг другу людьми. В дневниках бэкстейджи фиксировали в первую очередь те авторы, которые последовательно, на протяжении многих лет, думали о том, как «пробиться» в печать (как Марк Харитонов) или о том, как меняются границы допустимого и недопустимого (как Александр Гладков). Современникам запомнились напряженные разговоры с начальством или редакторами, или то, как кто-либо из писателей публично обсуждал нарушения норм и правил, «вынося сор из избы» и таким образом тоже осуществляя трансгрессию.

В значительной степени бэкстейджи были «полуосознаваемой» частью рутинной повседневной коммуникации. Заостряя, можно сказать, что обсуждение «правил игры» для позднесоветских писателей было столь привычным действием и настолько было вплетено в другие типы коммуникации, что оно не воспринималось как реализация специально поставленной задачи.

4. Пространства, ситуации, участники

Теперь необходимо проанализировать, где, в каких пространствах или в каких ситуациях могли происходить более или менее откровенные разговоры, в которые были включены бэкстейджи, и кто мог принимать в них участие.

Проще всего ответить на вопрос «кто?». Это все, кого в терминологии Пьера Бурдьё можно было бы назвать участниками поля литературного производства: поэты, прозаики, редакторы, критики, журналисты, партийные и государственные чиновники, ответственные за работу литературных институций.

30 Повесть в итоге вышла в 1980 году в американском издательстве «Ардис», с тех пор многократно переиздавалась.

Для Ирвинга Гофмана очень важна пространственная локализация «закулисья» — речь в его книге идет о театрализации поведения в публичных местах, понимаемых вполне материально, «топографически» [Гофман 2000]. В советской литературе публичность была устроена иначе и не обязательно имела точную пространственную локализацию. Легитимные публичные высказывания могли быть осуществлены в виде легально напечатанных текстов или в конкретных социальных ситуациях вроде официальных собраний, которые обычно имели общепринятые материальные — или, если угодно, ритуальные — аксессуары (здесь уместно вспомнить название повести Владимира Маканина «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» (1993), сразу дающее понять, о чем пойдет речь). В целом советские литературные «закулисья» могли быть, а могли и не быть привязаны к специфическим типам помещений или точкам в городе. Рассмотрим оба типа «привязки» бэкстейджей — назовем их соответственно локализованными и делокализованными.

Наши информанты называют много «пространств для бэкстейджей», а мы назовем их вслед за ними: комнаты и кабинеты в редакциях журналов; кафе и рестораны, прежде всего знаменитый ресторан Центрального дома литераторов в Москве. Сама возможность находиться в этом ресторане свидетельствовала о принадлежности к писательской корпорации — или к тем, кто имел блат, или к советской номенклатуре. Но характерно, что, описывая атмосферу во всех этих пространствах, информанты часто уточняют, в какое время суток могли с наибольшей вероятностью происходить наиболее свободные разговоры:

Редакция журнала «Урал» была более расположена к неформальным разговорам, чем многие другие места в литературном Свердловске. Там и в рабочее время, а особенно — после пяти, можно было поговорить достаточно раскрепощенно. В этих разговорах не стеснялись запретных тем. В Союзе писателей так общаться было негоже. Еще одним местом относительно свободного общения были совещания молодых литераторов области, которые проводились достаточно регулярно, как правило, в домах отдыха или областных санаториях за пределами Свердловска. Там обычно собирались в номере одного из участников совещания, и были там далеко не все семинаристы и далеко не все руководители. Там тоже была атмосфера раскрепощенного общения (И-5).

Когда мы собирались во время совещаний [молодых критиков] у кого-нибудь в номере — сидели, разговаривали, курили, романы там начинались... В общем, все как обычно. И все это было ужасно-ужасно неформально и очень по-дружески. Там были люди уже хорошо за тридцать, но атмосфера была достаточно солидарная, и все относились друг к другу с большой симпатией (И-6).

Знаменитый Центральный дом литераторов был единственным местом, где можно было выпить кофе и нормально посидеть до 11–12 часов вечера. Конечно, он был местом притяжения всех литераторов — правых или левых. Там сходились писатели самые разные: правые, левые, националисты, почвенники, либералы, прогрессисты — все! В Центральном доме литераторов (в дальнейшем — ЦДЛ. — *Авт.*) был знаменитый ресторан — кстати, недорогой: там можно было прекрасно пообедать на рубль. И вот там-то и шли разговоры. Диапазон бесед в ЦДЛ равен диапазону всей тогдашней интеллектуальной жизни: начиная с самых примитивных разговоров о барахле — до самых высоких (И-4).

Рассказы наших информантов о значении ЦДЛ как особого рода публичного пространства подтверждаются эго-документами. Из них же следует, что бэкстейджевые разговоры могли требовать соблюдения ряда мер предосторожности. Так, литератор Юрий Крелин (1929—2006) вспоминал об известном сотруднике издательства «Советский писатель» Викторе Фогельсоне (1933—1994), который на протяжении нескольких десятилетий редактировал альманах «День поэзии» и помогал «пробивать» в печать книги «неудобных» авторов, от Варлама Шаламова до Александра Городницкого:

...Виктор сам порой боялся. «Отойди, отойди быстрее от меня», — вдруг зашипеть мог, разговаривая в ЦДЛ с близким ему поэтом. «Что случилось?» — «Егор, — был такой поэтический начальник, сгинувший из поэзии вместе с советским режимом, — идет (имеется в виду Егор Исаев. — *Авт.*). Мы же не в редакции. Ты еврей, я еврей. Боком выйдет и мне, и твоим стихам» [Крелин 2003: 186—187].

Свои кафе, где общались писатели, были и в других крупных городах. Впрочем, о значении кафе и ресторанов для социальной жизни советских писателей относительно хорошо известно из эго-документов и исследований (и даже из художественной литературы — ср., например, описание ресторана МАССОЛИТА в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»), а наши информанты называли и менее очевидные локации для откровенных разговоров — такие как очередь к телефону-автомату в писательском дачном кооперативе или расположенная там же автобусная остановка:

Был такой домик на нашей территории писательского дачного кооператива, деревянный. Там стоял телефонный аппарат, ну, знаете, такой обычный телефон, с диском. И оттуда можно было позвонить в Москву. <...> На первые три дома, на остальные потом еще поставили. На нашей территории был один телефон. И там собиралась очередь у этого телефона, чтобы позвонить. Человек говорит, выходит, потом следующий человек заходит, потом еще. На этом пятачке перед домом можно было с кем-то пообщаться.

А второе место было остановка, куда, собственно, приезжал этот автобус из Москвы. Называлось «прибытие поезда» или там корабля. Те, кто живут на даче, стояли, встречали тех, кто приедет из Москвы. Приезжали члены их семей, с продуктами, с сумками. Люди выходили встречать автобус, люди выходили провожать автобус... Чего только не было (И-1).

Однако откровенные разговоры могли возникать не только в привычных, но и спонтанно выбранных локусах. Таким местом могла стать, например, квартира редактора или коллеги (вспомним заметки Федора Абрамова или Николая Работнова о беседах в гостях у Владимира Лакшина). Почти ни в каких воспоминаниях не фигурирует курилка как специальное место: информанты подчеркивали, что в редакциях курить можно было везде, что обычно и делали как сотрудники редакций, так и посетители. Единственное место, о котором мемуаристы вспоминают специально — курилка Библиотеки имени Ленина, но она связывала не столько писателей, сколько людей, так или иначе занимавшихся переводом, литературной критикой или академической деятельностью.

Разумеется, бэкстейджи могли рождаться и в телефонных разговорах; хороший пример — приведенный выше фрагмент дневников Гладкова, в котором он пересказывает свой разговор с Николаем Смирновым.

Писатели-почвенники, входившие в неофициальное движение русских националистов, были в своих бэкстейджах гораздо более «территориально дисциплинированными», чем все остальные. В 1960—1970-е они представляли свое сообщество по образцу организованного лобби или полуподпольной группы влияния и поэтому собирались регулярно, а пересмотр «правил игры» в советской литературе считали своей эксплицитной целью. Николай Митрохин указывает минимум три места регулярных собраний этого сообщества на разных стадиях его развития. Это московская мастерская художника-соцреалиста Павла Судакова (1914—2010), в которой одновременно находился рабочий кабинет писателя-неосталиниста Ивана Шевцова (1920—2013); бывший Высокопетровский монастырь в Москве; и московский ресторан «Будапешт», где проходили собрания участников «Русского клуба»³¹. В результате мобилизационной и информационной деятельности этого сообщества, как утверждал один из его лидеров, журналист и писатель Сергей Семанов, «“нашими” стали журналы “Молодая гвардия” и “Современник”, издательства с теми же названиями»³². Захват изданий, подобный тому, о котором говорил процитированный выше наш информант («...“правые” постепенно его прибрали к рукам»), был результатом спланированной лоббистской стратегии, которая обсуждалась на регулярно проводимых собраниях и опиралась на последовательную систему взглядов.

Впрочем, существовали и делокализованные практики бесед, не привязанных к конкретному локусу. Джон Урри показывает, что «поддержание устойчивых форм социальной жизни» может быть связано со «стремлением путешествовать, часто в определенное время и по особым маршрутам» [Урри 2012: 138]. Напомним о записи М. Харитоновой от 9—11 мая 1980 года, рассказывающей о том, что именно во время прогулки автор дневника договаривался с Д. Самойловым о «пробивании» своих произведений в журнале «Новый мир».

Согласно воспоминаниям В. Матусевича, договоренности о лоббировании тех или иных кадровых решений или публикаций в редакции журнала «Наш современник» могли достигаться благодаря тому, например, что двое коллег регулярно ходили пешком из редакции обедать в ЦДЛ: «...дорога хоть и не дальняя — всего десять-пятнадцать минут хода — но можно успеть высказать [вышестоящему редактору] и про свою ненависть к инородцам-носатикам (то есть к евреям. — *Авт.*), и про свою абсолютную поддержку “генеральной линии руководства журнала”» [Матусевич 2000: 64]. Этот пример указывает, что и для националистов были важны не только фиксированные места собраний, но и особые ситуации. Однако, учитывая, что большинство редакций московских толстых журналов находилось недалеко от центра города, можно предположить, что подобные практики существовали не только в «Нашем современнике», но и в более «либеральных» журналах.

Писатели и/или критики регулярно прогуливались вместе в домах творчества или в писательских поселках — таких как Перedelкино. Приведем цитаты из интервью двух наших информантов:

Если ты человеку доверял, если он был эстетически тебе близок — по художеству, по умонастроению, — то, конечно, с ним разговор велся совершенно откровенно. Тем более — на прогулке... Допустим, в номерах Дома творчества еще стеснялись

31 См. об этом сообществе: [Митрохин 2003: 320—321].

32 Цит. по: [Митрохин 2003: 326].

или боялись, но были прогулки по Переделкино, и на них, я думаю, степень откровенности была очень большой (И-4).

Переделкино было совсем другим, чем сейчас. Классики, как мы их называли, один или два раза в день обязательно ходили гулять — не только для того, чтобы пройтись, но и для того, чтобы встретиться со знакомыми, рассказать новости и байки, обменяться впечатлениями. Я за ними увязывалась, что в Коктебеле, что в Переделкино (И-7).

Как уже сказано, для бэкстейджей и вообще для откровенных разговоров важны были не только локации или маршруты, но и время. Существовали более или менее удачные моменты и ситуации для такого рода договоренностей. Благоприятность момента не обязательно была обусловлена уединением: писатели могли перешептываться во время публичного мероприятия, давая прямо по ходу собрания комментарии о том, какие «правила игры» здесь соблюдаются, а какие нет, и какие действия можно или нужно будет предпринять в связи с тем, что сказано. Вообще — и тут нужно снова вернуться к терминологии и концептуальному аппарату Джона Урри — важнейшим «опорным пунктом» бэкстейджей была *встреча* писателей, редакторов, критиков, их соединение в пространстве и во времени. Поэтому удачным моментом был, например, и визит автора в редакцию, и мимолетная встреча автора и редактора где-то в городе — для передачи рукописи или корректуры.

Бэкстейджи могли быть не только устными, но и письменными; напомним о переписке Пантелеева и Чуковской. Если речь идет о подготовке текста к публикации, бэкстейджи — это не только кулуарные споры с редакторами о том, что следует убрать, что изменить, а что оставить, но и правленные рукописи с пометками редактора или цензора, если в маргиналиях «правила игры» эксплицируются, и переписка по поводу правки или публикации в целом, обсуждающая эти «правила игры». Примером такой переписки может служить письмо В.П. Аксенова, отправленное в 1978 году в секретариат Союза писателей СССР и отдел культуры ЦК КПСС. Демонстрируя свою лояльность (то есть готовность коммуницировать по установленным правилам), Аксенов оговаривает, что он не против «партийного руководства литературой», а выступает только против тайных интриг, которые якобы плетет против него руководитель сектора художественной литературы отдела культуры ЦК КПСС А.А. Беляев [Аксенов 2015: 404].

Напомним о том, что даже между доверяющими друг другу людьми в бэкстейджах могли использоваться иносказания. Здесь же, в письме Аксенова «в инстанции», мы имеем дело с очевидным «чужим словом» (если пользоваться терминологией М.М. Бахтина), которое Аксенов использует сугубо инструментально.

5. Бэкстейджи как перевод: инструментализация советского языка

Специфика советской литературной ситуации состояла в том, что и в опубликованных произведениях, и в официальных характеристиках, отзывах, рецензиях часто использовались слова, выражения и дискурсивные конструкции, которые не следовало понимать буквально. Для их интерпретации были нуж-

ны особого рода техники чтения. Их использование могло приводить к практическим последствиям (публикации, отказе в публикации, изменении текста произведения), для инициирования которых и нужны были, пользуясь выражением Ю.М. Лотмана, «слова-сигналы».

Наши информанты рассказывали нам о случаях, когда внешне относительно невинное выражение означало в действительности жесткую критику:

С. по возрасту годится мне в отцы. Он в своей рецензии отметил: «...стихотворения Б. являют заметный перекося в сторону “культурных ценностей”». Такие «перекося» не особенно приветствовались: нужно было писать о жизненных проблемах (И-8).

Владимир Соколов очень высоко ценил мои стихи — это имело для меня колоссальное значение, поскольку я любила его стихи, и вдруг мои ему тоже пришлось по душе. Он мне сказал: «А вы знаете, что нас вызывали в ЦК комсомола, чтоб дали описание тех, кого мы похвалили на семинаре молодых писателей? Там я увидел через плечо, как пишет Василий Казин: “Рекомендую в Союз писателей и книгу к изданию при условии усиления гражданских мотивов”». <...> Но разве можно сказать, что они у меня усилились? Кто их может увидеть? <...> И вот поэтому книга моя тогда выйти и не могла (И-2).

Ни один из этих эпизодов не является в строгом смысле бэкстейджем: Соколов передал информантке оценку Казина, о которой не должны были знать ни сам Соколов, ни его собеседница, но не обсуждал с ней возможность обойти или нарушить «правила игры»; текст С. и вовсе был публичным высказыванием. Однако два эти примера показывают, какого рода формулировки могли становиться *результатами* бэкстейджей и помогали одних авторов или произведения — продвигать, а других/другие — тормозить.

Бэкстейдж в таких ситуациях мог заключаться в том, чтобы согласовать — в переговорах — необходимые последствия с той речевой формой, которая должна была с наибольшей эффективностью вызвать эти последствия. Впрочем, такие опытные люди, как Казин, и сами хорошо понимали, какие слова и в каких случаях нужно говорить или писать.

М.О. Чудакова в работе «Язык распавшейся цивилизации» описывает систему не прямых значений в публичном советском языке и совершенно справедливо вслед за предшествующими исследователями этого языка указывает на его глубокую инструментализацию³³. Однако, говоря о языке позднесоветской эпохи, Чудакова все же делает важную поправку. Исследовательница указывает на возможность использования, например, «защитных» лексем, придававших публичной речи промежуточную модальность — допущенной, но не имеющей установочного характера:

В послесталинское время стали появляться — не в списке ключевых слов, но, так сказать, в списке обязательных к употреблению, — своего рода «утепленные» слова официальной речи («сообща подумать», «думается») и даже особые жанры газетных и радиотекстов — «разговор», «раздумья».

Употребление этих слов и словосочетаний само по себе часто было инструментом защиты авторской мысли — свидетельством встроенности автора в границы авторитетной речи и тем самым... его лояльности [Чудакова 2007: 278].

33 Статья, на которую ссылается Чудакова: [Шмелева 1993].

Основываясь на наших предшествующих работах [Майофис 2014; Майофис, Кукулин 2019], теперь мы можем пойти дальше и сказать, что публичное *оспаривание* инструментализированных идеологических конструкций было делом редким, но в принципе возможным, по крайней мере в постсталинское время³⁴, а главное — что такое оспаривание было лишь надводной частью айсберга: проблематизация границ «языка текущего момента», как и вообще неписанных «правил игры», была необходимой частью теневой литературной коммуникации.

Важнейшим инструментом такой проблематизации был *перевод* — с условного, полного эвфемизмов советского публичного языка на более «прозрачный» и основанный на прямых значениях. Этот перевод собеседники осуществляли или «в уме», или эксплицитно, в публичной коммуникации. Сложные бэкстейджи могут быть описаны как серия процедур перевода и поиск наиболее адекватных форм перевода. Такой перевод (иногда осуществлявшийся несколькими собеседниками в разных версиях) вкупе с инструментальным использованием «чужого слова» был необходим как инструмент торга и переговоров. Итог переговоров воплощался в резолюции съезда или собрания, но их ход сохранялся в неправленных стенограммах (а иногда даже и в правленных). Работу таких «переводов», результирующую в гладкой и «вычищенной» резолюции, но осуществлявшуюся в другой социальной среде, рассмотрели Татьяна Воронина и Анна Соколова, изучая протоколы открытых и закрытых партийных собраний в советских колхозах и лесохозяйствах 1970—1980-х годов. Они показывают, что участники таких собраний должны были «перекодировать» свои конкретные вопросы и жалобы, соотнося их с решениями очередного пленума ЦК КПСС, часто не имевшими никакого отношения к повседневным заботам жителей деревни. Т. Воронина и А. Соколова показывают, что с этой задачей работники колхоза или лесохозяйства справлялись с помощью «переводчиков», поднаторевших в таком соотношении:

Последним выступил секретарь парткома Ругозерского леспромхоза Б.А. Барбалуок... «Наша партия очень мудро приняла решения по отношению с агрессией Израиля против Арабских стран и одобряло решение июньского пленума ЦК КПСС. Сейчас после этого нашего собрания сразу составить график по читкам и разъяснению материалов по Июньскому пленуму ЦК КПСС. Плохо сложилась работа на лесозаготовках, очень слабая дисциплина. Нужно наладить товарищеские суды, чтобы они работали» [Воронина, Соколова 2021: 399]³⁵.

34 Так, на распространение в 1950—1960-е годы псевдодемократической формулы «простой советский человек» братья А. и Б. Стругацкие издательски отреагировали в сатирико-фантастической повести «Понедельник начинается в субботу» (1965). В ней персонаж по имени Амбруаз Амвросиевич Выбегалло, демагог и циник, отстаивает свое право на осуществление нелепого научного проекта с помощью националистической версии этой формулы («простой русский человек») — и немедленно получает отпор от коллеги:

«— П-прекратите демагогию! — взорвался... Федор Симеонович. — К-как вам не совестно нести такую чушь? К-какой я вам п-простой человек? И что это за слово такое — п-простой? Это д-дубли (то есть роботы. — *Авт.*) у нас простые!..» [Стругацкий, Стругацкий 1979: 138].

35 Здесь, как и в цитируемой статье, сохранены орфографические и грамматические особенности источника.

Можно предположить, что большую роль в бэкстейджах играли придумывание и расшифровка эвфемизмов и иносказаний — работа, в принципе очень значимая для советской литературной жизни. Дискурсивные «переводы», необходимые для бэкстейджей, осуществлялись опытными людьми, овладевшими навыками советского административного языка и использования идеологических клише. Кроме того, для такого перевода важно было понимание, какие формулировки к каким последствиям приводят:

Я сейчас попробую описать эту логику [«пробивания» сомнительного для начальства произведения]. Она требовала использования особого рода демагогии. Читалось, что одна из обязанностей Союза писателей — готовить себе смену, то есть воспитывать молодых советских писателей. Каким должен быть советский писатель, сказать никто не мог так же, как никто не мог сказать, что такое социалистический реализм, это все были фантомные понятия. Среди членов комиссии Союза писателей по работе с молодыми авторами всегда было два-три очень порядочных и думающих человека, которые аргументировали идеологически сомнительные публикации молодых авторов в такой логике: «Мы поддерживаем литературные объединения. Если есть молодые писатели, которых мы курируем и воспитываем, то они же должны вообще как-то себя проявлять — например, выпустить книжку, проявить себя публично, а не уходить в подполье» (И-9).

В гуманитарно-научных текстах для «пробивания» идеологически сомнительной работы в печать мог потребоваться перевод в буквальном смысле этого слова — то есть замена хорошо знакомого слова на иностранное, значение которого непонятно без специальных разъяснений. В качестве примера можно привести бэкстейдж из письма филолога-античника М.Л. Гаспарова его младшей коллеге Н.В. Брагинской от 28 апреля 1974 года:

Начальство наше реагирует не столько на смысл, сколько на отдельные слова-сигналы... Поэтому оглядка на начальственный контроль больше всего похожа на детскую игру «черного и белого не называйте». Это значит: просмотрите Ваш текст и замените в нем «христианство» на, скажем, «новая идеология», а «бог» (христианский, конечно; Юпитера можно не менять) на какое-нибудь греческое слово русскими буквами, «пантократор», например; или, лучше, как будет по-гречески «творец»? Вашему стилю это не повредит и рядом с «парусией» и другими словами смотреться будет хорошо [Гаспаров 2008: 17].

Весьма распространенным типом переводчика были редакторы — не все, но многие. Редакторы в СССР часто выполняли обязанности цензоров, но один из наших информантов отметил важнейшую роль редакторов среднего звена и в «антицензурной» деятельности (и здесь удачным примером будет деятельность упомянутого выше В. Фогельсона):

Скажем, вообще была такая особенность советской литературной печати: во главе журналов и издательств стояли «проверенные коммунисты», то есть люди с менклатурным сознанием. Но сотрудники «среднего уровня» — редакторы, — часто были очень порядочными и понимающими людьми. Конечно, их возможности были ограничены, тем не менее они делали, что могли (И-9).

Иногда именно такие редакторы «среднего звена» использовали «идеологический перевод» для того, чтобы организовать «цензуру наоборот» — то есть чтобы

заблокировать публикацию произведения, выражавшего националистические или империалистические идеи. Впрочем, такого рода «партизанщина» часто наталкивалась на сопротивление руководства журнала или издательства:

[Главный редактор журнала «Знамя» Вадим] Кожевников настаивал на том, чтобы в «Знамени» был напечатан молодой писатель Проханов, который по поручению редакции «Литературной газеты» ездил по военным точкам и писал патристические военные романы. Мы в отделе прозы сделали все для того, чтобы не иметь к этому никакого отношения. Сотрудники отдела написали по поводу этого романа длинное внутреннее редакционное заключение, но очень лукавое, конечно, — по поводу того, почему нельзя это напечатать. Мы объясняли, что это очень плохо написано. И доказывали всеми цитатами, что исправить это невозможно: там есть ошибки и в сюжете, и в композиции, и в героях. И идеологические недостатки мы тоже нашли у него: нагнетание агрессивных изображений войны. Но тогда эта история закончилась тем, что редактуру забрали у отдела прозы и передали заместителю главного редактора, после чего журнал все равно этот роман напечатал (И-7).

У «переводчика» мог быть заказчик/бенефициар и/или адресат. Адресатами «переводов», которые были составной частью или результатом бэкстейджа, были администраторы, или, если пользоваться английским выражением, *decision-makers*, либо напротив, авторы, которых редакторы надеялись в чем-либо убедить — не столько отказаться от публикации, сколько переделать текст. Бенефициарами могли быть члены редакции — если, например, кому-нибудь из редакторов удавалось написать автору убедительное и идеологически корректное письмо о том, как можно было бы изменить рукопись. Заказчиком можно считать литератора, который не мог должным образом переформулировать свои предложения, касающиеся «правил игры», на идеологически корректный язык, поэтому ему/ей должен был помогать более опытный или социально приспособленный коллега.

Одним из возможных результатов бэкстейджа-перевода могла быть публикация, «уравновешивающая» чей-либо смелый поступок — например, «сигнал с мест», критически отзывающийся о действии, нарушавшем неписанные нормы. Такие публикации были формой доноса³⁶ или в более «невинных» случаях отчета вышестоящему начальству о том, что нарушение так или иначе скомпенсировано. Об одном таком случае рассказывает наша информантка:

Меня похвалили в «Литературной газете» и написали, что это «лучшая публикация года среди молодых авторов»... И вдруг в той же газете публикуется маленькое письмо, заметка, под названием «Читатель недоумевает». <...> А потом на море, в Коктебеле, в 1967 году, я встречаю сотрудника «Литературной газеты»

36 Ср. комментарий А. Кондратовича к письму пяти «бывших магнитогорцев» — политическому доносу на публикацию в «Новом мире» повести Николая Воронова «Юность в Железнодорожье»: «Когда что-нибудь нужно скомпрометировать, срочно организуется мнение народа, письмо читателей. Мнение это создается в чиновных кабинетах, и пишется это письмо готовым на все журналистиком, читатели в лучшем случае только подписывают, подмахивают (иногда и это «приличие» не соблюдается). Но выдается за глас народный, глас Божий, спорить с ним невозможно. Пospорь — и тут же визг, пуще прежнего: не прислушиваются к мнению читателей!» [Кондратович 1991: 370].

Владимира Кокашинского и его жену Лелю Кокашинскую. Они мне рассказали, что им пришлось придумать этого читателя, который недоумевает... потому что им сверху спустили, что надо дать по шапке тому, кто хвалит такую подборку, как моя (И-2).

Когда мы видим, что в подборках «писем читателей» разные идеологические или эстетические позиции (впрочем, как можно видеть из цитат, приведенных выше, дискурсы идеологических и эстетических претензий в позднесоветской критике легко поддавались взаимному «переводу») представлены явно диспропорционально, мы можем предполагать, что за такой публикацией, скорее всего, стояло прямое указание со стороны главного редактора, сотрудников аппарата ЦК или обкома КПСС либо руководства местного отделения Союза писателей. Однако если, напротив, разные позиции на страницах издания уравновешены, за этим, вероятно, стояли бэкстейджи:

К тому времени, когда я пришел в редакцию «Литературной газеты», там сложилась система, в которой важно было поддерживать равновесие: если в одном номере журнала ты отругал публикацию «Нашего современника» (впрочем, прямая критика в это время была редкостью), значит, в следующем номере или через несколько номеров надо их похвалить, чтобы читатели не думали, что в «Литературной газете» сидят односторонние радикалы. Это прямо проговаривалось внутри газеты: мы только что поругали этих, поэтому давайте сейчас их похвалим; а вот недавно хвалили вещь в «Новом мире», поэтому их сейчас поругаем (И-3).

6. Исторический контекст: «оттепельный» взрыв публичных дискуссий и последующая стабилизация

Теперь необходимо реконструировать исторический контекст, позволяющий увидеть, как стабилизировался жанр бэкстейджа на протяжении 1950—1970-х годов.

Локальная кооперация между писателями существовала на протяжении всей советской истории, несмотря на то что партийные органы руководства культурой начиная с 1930-х годов беспрестанно занимались борьбой с «групповщиной». Из-за опасности доноса и последующих репрессий литераторы и редакторы могли обратиться для консолидации усилий только к очень доверенным людям, как это было в случае Л. Чуковской и А. Пантелеева. Оттепель принципиально изменила этот устоявшийся порядок. Уже с 1953—1954 годов на публичных собраниях все чаще выступали «смутьяны», нарушавшие заранее согласованный сценарий и критиковавшие идеологические и институциональные установления, считавшиеся в СССР необсуждаемыми. Против таких «нарушителей спокойствия» принимали меры, иногда весьма жесткие, о них писали докладные записки в местные партийные органы и в ЦК КПСС, но скандалы продолжались³⁷.

Представители культурных элит стали публично обсуждать закулисную фракционную борьбу и ее последствия или инициировать прямо на официаль-

37 О таких «нарушителях спокойствия» см., например: [Майофис 2016; 2017].

ных заседаниях дискуссии, не позволявшие организаторам просто вынести на голосование принятое решение. Темы, о которых прежде можно было говорить только с доверенными людьми, теперь предлагалось сделать предметом публичной полемики.

Примером такого переноса является выступление кинорежиссера Михаила Ромма 27 ноября 1962 года на конференции «Традиции и новаторство в искусстве социалистического реализма» во Всесоюзном театральном обществе³⁸. Ромм предложил обсудить стратегию действий советских «либералов» в конфликте с неосталинистами и извлечь уроки из истории позднесталинского времени — то есть высказал с трибуны то, что по негласным нормам советской культурной жизни могло осуществляться только в форме бэкстейджа:

...Сегодня, когда компания, когда-то предавшая публичной казни «безродных космополитов» — Кочетов, Софронов и им подобные — совершает открытую диверсию, нападает на все передовое, на все новое, на все яркое, что появляется в советской кинематографии, мне кажется, что придерживаться в это время академического спокойствия и ждать, что будет, не следует. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Нападение началось с кинематографа, но я не сомневаюсь, что оно заденет и другие области искусства, если этим господам не дать по рукам. Что касается меня, то я не одобряю равнодушия в этом деле и считаю, что застыть в позе олимпийского спокойствия и глупо, и недостойно советского человека [Ромм 1989].

По поводу выступления Ромма киносценарист, главный редактор сценарного отдела «Мосфильма» Иосиф Маневич писал в дневнике за декабрь 1962 года:

Ромм опять бросил бомбу в зал.

Сказал об «Октябре» (о неосталинистской позиции журнала «Октябрь». — *Авт.*), что другие говорят только в кулуарах. В общем, доведем [публичную] критику до уровня кулуарной [Маневич 1998: 39].

Выступление Ромма принесло ему крупные неприятности³⁹, но очень важна лексика, которую — пусть и иронически — выбирает Маневич. «Доведем публичную критику до уровня кулуарной» — таким мог бы быть один из лозунгов творческой интеллигенции периода «оттепели». «Кулуарный уровень» критики для Маневича характеризуется не просто несопоставимо более высоким уровнем свободы высказывания. Ромм в своем выступлении прямо сказал, что в советской культуре идет конфликт идеологически полярных групп, и именно за это — вкупе с публичным именованием политики государственного антисемитизма и защитой итальянского неореализма и вестернизаторских тенденций в советском искусстве — подвергся психологическому прессингу со стороны Л.Ф. Ильичева и других высших партийных функционеров.

38 Текст выступления Ромма публиковался несколько раз (см., например: [Ромм 1989: 173–179]). О контексте выступления (антисемитские речи ряда деятелей, возрождавших в начале 1960-х риторику «борьбы с космополитизмом») см.: [Митрохин 2003: 166–167].

39 Из дневника И.М. Маневича: «Везде склоняют Ромма, его уже называют человеком с двойным дном, а один договорился даже до того, что он наследник культа. Вот уж с большой головой на здоровую» [Маневич 1998: 39]. О последовавшем за выступлением скандале см.: [Фомин 1998: 314–332].

После выступления Ромма и оскорбительных реплик Хрущева на его «встречах с интеллигенцией» в том же 1962 году⁴⁰ возможности для публичного высказывания на открытых собраниях стали быстро сокращаться, в то время как желание участников культурного производства обсуждать действующие «правила игры», напротив, оказывалось все более заметным. Результатом этих «ножниц» стала реакция литературного сообщества на письмо А.И. Солженицына к IV съезду советских писателей в 1967 году. В этом письме Солженицын, уже знавший, что не попадет на съезд в качестве участника, прямо призвал отменить в СССР цензуру и провозгласил, что запреты опасны для будущего советской культуры [Солженицын 1973].

Публично зачитать что бы то ни было подобное письму Солженицына было в 1967 году уже невозможно, но сам этот текст получил удивительно большую поддержку: многие писатели, до которых дошел текст письма (автор «Одного дня Ивана Денисовича» разослал его на 250 адресов), писали обращения в президиум съезда (в том числе коллективные) и в партийные инстанции — и в этих текстах они полностью поддерживали мысли, высказанные в письме, и требовали его публичного и открытого обсуждения⁴¹.

По-видимому, эта петиционная кампания была моментом наиболее энергичной попытки за всю историю советской подцензурной литературы перевести в публичный регистр обсуждения, характерные для бэкстейджей. После IV съезда писателей были еще отдельные попытки переломить ситуацию, например выступления прозаика Григория Свирского на собрании Московского отделения Союза писателей СССР с требованием отмены цензуры и введения равных для всех «правил игры»⁴² — но в целом система бэкстейджей и жесткого разделения на публичное пространство и «кулуары» в первой половине 1970-х стабилизировалась вплоть до времен перестройки — в частности, потому, что в основной своей части «скандалисты» эмигрировали, как это сделал Г. Свирский в 1972 году, а не желавший уезжать Солженицын был насильственно депортирован из СССР в 1974-м году. Бэкстейджи с этого времени разворачивались в «теневых» ситуациях — дружеских посиделок, редакционных разговоров или прогулок, на которых можно было не опасаться лишних ушей.

В период «оттепели» каждое выступление, подобное «докладу» Ромма на конференции в Союзе театральных деятелей, было эксцессом и влекло за собой скандал. Поэтому перевод обсуждений «правил игры» в частную сферу способствовал «нормализации» жизни культурных элит. Здесь не случайно использовано слово «нормализация» — стандартный термин для обозначения политики властей Чехословакии после разгрома Пражской весны: многое из того, что говорилось с середины 1950-х годов до 1968 года публично, после этого ушло в «кулуарную» сферу.

40 Публикацию фрагментов стенограммы этих «встреч» см.: [Минченков 2002].

41 Подборку таких писем см.: [Солженицын 1973: 16–52].

42 Из записи выступления Г. Свирского: «В Ленинграде пьесу [Леонида Зорина] «Дион» запретили. В Москве — разрешили. Фильм [Фридриха Эрмлера] «Перед судом истории» разрешили и в Москве, и в Ленинграде, но запретили в Горьком и некоторых других городах. В одном из московских журналов имя Солженицына запретили упоминать даже в статье о советской литературе за рубежом. В издательстве, которое на соседней улице, — разрешили» (цит. по: [Солженицын 1973: 113]).

7. Бэкстейджи и партикулярность норм советского общества

Бэкстейджи, при всей их — как выясняется теперь — труднозапоминаемости, были важнейшим элементом позднесоветской культурной жизни. Очевидно, такие неформальные договоренности о кооперации или рефлексии чужих кооперативных действий существуют в любом современном обществе, но в позднесоветском их роль была особенно велика. Нормы социального действия, в особенности нормы культурного производства, были не равны для всех и непрозрачны. Этим советское общество напоминало патриархальное или феодальное. Однако, в отличие от патриархального или феодального социума, в СССР у этих норм было еще две особенности: они были неустойчивы и подвержены ряду внешних и локальных влияний.

При декларативном эгалитаризме советского подцензурного писательского сообщества его пронизывал скрытый, но очень мощный партикуляризм, глубочайшая дифференцированность по «чинам», рангам, правам на привилегии, которые были неотделимы от права на большую или меньшую свободу высказывания⁴³. Приведем пока, кажется, не введенное в научный оборот наблюдение В.М. Живова, касающееся этих «неравных правил игры» — хотя и сделанное в отношении не литераторов, а ученых-гуманитариев, но *mutatis mutandis* переносимое и на другие круги культурных элит. На Лотмановских чтениях 2007 года М.Л. Майофис, обсуждая доклад И.А. Пильщикова о цитатах из набоковского комментария к «Евгению Онегину» в статьях В.В. Виноградова и в комментарии Ю.М. Лотмана, предположила, что для издательства Академии наук, где выходили статьи Виноградова, и для издательства «Просвещение», где выходил популярный комментарий Лотмана, была характерна разная степень цензурирования при упоминании авторов-эмигрантов — прежде всего потому, что публиковавшиеся в этих издательствах книги выходили принципиально разными тиражами и были адресованы в одном случае специализированной научной аудитории, а в другом — широкому кругу читателей, и прежде всего школьникам. В.М. Живов согласился с М.Л. Майофис и добавил, что входивший в научный истеблишмент В.В. Виноградов имел в 1960-е годы больше негласных прав цитировать в своих работах комментарии Владимира Набокова к «Евгению Онегину», чем стигматизированный (еврейством, инакомыслием, работой в периферийном Тарту) Ю.М. Лотман. Поэтому, если мы обнаруживаем у Лотмана меньше цитат из набоковского комментария, чем у Виноградова, — это говорит не о «конформизме» или «недостаточной образованности» Лотмана, но только об избирательности действия советской цензуры⁴⁴.

Из-за того, что неписанные правила по-разному распространялись на разных акторов, на уровне повседневных взаимодействий в СССР *не было идеологической стабильности*, а реализация норм зависела от многочисленных случайностей и личного произвола конкретного актора — о чем говорил еще Григорий Свирский в своем выступлении 1968 года. Один из наших информантов вспоминает:

43 См. об этом, например: [Антипина 2005: 356].

44 Дискуссия не была опубликована, воспроизводим ее по памяти.

Когда у меня выходила книга третья стихов в «Московском рабочем», там были строчки: «Октябрь сорок первого года, / патруль по Арбату идет, / нет на вокзалы прохода, / и немец стоит у ворот». Но поскольку у СССР были «братские» отношения с ГДР, редактор потребовал снять слова «и немец». Я... написал: «И ворог стоит у ворот». По-моему, стало хуже. В следующий раз я появился в редакции, когда книга была уже в верстке, и редактор сидел сильно выпивший... Пока он клевал носом, я в верстке восстановил строку «и немец стоит у ворот» (И-4).

Описанный эпизод произошел в 1975 году. Вмешательство в текст было придиркой, вызванной страхом редактора не совпасть с официальной «линией партии» (в заключительном разделе этой статьи мы увидим, что страх проявить недостаточную почтительность к восточногерманскому режиму был свойственен не только персонажу этого рассказа). В огромном количестве стихотворений, песен и романов о Второй мировой войне, созданных в 1940—1960-х годах, враги СССР назывались не только фашистами или нацистами, но очень часто и немцами — при всей политической некорректности этой характеристики. Никакой официальной кампании, направленной на отказ от стигматизации этнических характеристик, в Советском Союзе в 1970-е годы не велось. Более того, в те же самые годы дети в советских школах должны были проходить (как проходят в российских школах и сегодня) балладу Константина Симонова «Сын артиллериста» (1941), в которой солдаты нацистской армии названы «немцами»:

В атаку пошла пехота —
К полудню была чиста
От убежавших немцев
Скалистая высота⁴⁵.

Описанный пример редакторского произвола довольно простой и не потребовавший для исправления никаких бэкстейджей: достаточно было того, что редактор оказался не способен контролировать происходящее. Следующий пример, который мы хотели бы проанализировать, гораздо сложнее по своей природе. Он показывает, как в СССР местные и «центральные» медиа могли иметь разные публикационные возможности и как перепечатка одного и того же текста в разных газетах могла потребовать многочисленных бэкстейджей, переходящих уже почти в настоящие политические переговоры. Это история о том, как в «Правде» было переиздана статья Федора Абрамова «Чем живем-кормимся. Открытое письмо землякам».

Первоначально это «письмо» было опубликовано 18 августа 1979 года в районной газете «Пинежская правда», в которой для Абрамова были созданы условия максимального благопроятия: Абрамов, родившийся в селе Веркола на территории Пинежского района (а впоследствии там же и похороненный), был одним из самых знаменитых уроженцев этого северного края, регулярно бывал в родных местах и выступал перед односельчанами. В статье Абрамов показывал, что Веркола пришла в упадок в результате упадка трудовой этики и повального пьянства, особенно сказавшегося на мужчинах; намекал Абрамов и на печальные последствия преобразования колхоза в сов-

45 Цит. по: [Симонов 1979: 495].

хоз, в котором крестьяне были еще более стеснены в своих правах, чем в колхозе. Абрамов противопоставлял Советскому Союзу — капиталистическую Финляндию, в которой, по его словам, общественные нормы в гораздо большей степени способствовали добросовестному труду — что было существенным нарушением советских цензурных конвенций:

...Вспоминается мне швейная фабрика в Финляндии. Там брак — явление редчайшее. Из десяти тысяч сшитых костюмов лишь двадцать пять оказались с изъяном. И каково же было мое удивление, когда я узнал, что при этом на фабрике отсутствует всякое ОТК. «У нас, — заметил с гордостью директор, — ОТК у каждого рабочего в крови». И величайшим бесчестьем, величайшим позором в Финляндии считается плохо выполненная работа — будь то работа мусорщика, плотника, инженера или хлебороба.

У нас, к сожалению, трудовой честью, человеческим достоинством не очень дорожат [Абрамов 1979: 2].

После выхода статьи в Веркольском сельсовете состоялось обсуждение, по тону близкое к политическому митингу: деревенские женщины одна за другой рассказывали о чудовищных примерах пьянства в селе. В той же «Пинежской правде» был помещен подробный пересказ их выступлений [Земцовский 1979]. По-видимому, своим «открытым письмом» писатель временно сдвинул границу дозволенного в публичном пространстве — но только в одном районе РСФСР.

После публикации в районной газете Абрамов оказался втянут в бэкстейджи, связанные с тем, что московские журналисты считали пропаганду трудовой этики и борьбу с запустением деревень делом очень полезным, но не могли допустить до общесоюзной печати текст, прямо говорящий о распаде социального порядка в деревне — а сам Абрамов смягчать его не хотел. Статьей заинтересовалась газета «Советская Россия», которая в конце 1970-х — начале 1980-х под руководством главного редактора Михаила Ненашева стала одним из самых либеральных «центральных» изданий (она издавалась под эгидой ЦК КПСС, Верховного Совета РСФСР и Совета министров РСФСР). Тем не менее опубликовать «письмо» в полном виде подчиненные Ненашева побоялись. 10 октября 1979 года автор «Вокруг да около» записывает в дневнике:

...5 часов за столом, сотрудники «Советской России». Смысл разговора: дайте облегченный вариант «Письма» в виде статьи. «Письмо» хорошее, по-новому ставит вопрос о России, о народе, это сказать мог только Ф. Абрамов и т.д. и т.п. Но напечатать не можем. Почему? А потому, что вы говорите: у нашего позвоночника все позвонки гнилые, а мы можем сказать: только четыре. Не больше. К разговору на всю катушку не готовы ни наши руководители (в том числе главный редактор «Советской России»), ни общественность, ни писатели⁴⁶.

В конце концов партийные «либералы», стремившиеся призвать советских людей к более добросовестному труду, нашли (вероятно, тоже с помощью переговоров — но уже между собой, а не с Абрамовым) возможность републиковать статью в советском официозе — газете «Правда». «Правда» была более «ортодоксальным» изданием, чем «Советская Россия», но бороться с сокра-

46 <https://prozhito.org/note/611495> (дата обращения: 26.03.2022).

щениями писатель уже не мог: редакция «Правды» была окончательной инстанцией. 31 октября Абрамов записывает в дневнике:

Сидел, кропал статейку о В[яйне] Линна⁴⁷ (слава богу, что-то начало получаться) и вдруг часа в 2 требовательный звонок по телефону. Семин, коринформант «Правды»:

- Срочно нужно завезти к Вам статью.
- Какую статью?
- Вашу, которая для «Правды» написана.
- Но я не писал никакой статьи для «Правды».
- «Письмо» землякам. Не все ли равно, как назвать. «Правда» собирается печатать, и велено срочно показать вам.

Что было делать? Вяйне Линна в сторону — приезжайте. Через 20 минут является Семин и кладет передо мной гранки статьи «Как живем-кормимся». Уже одно это название меня повергло в ужас, а затем нырнул глазами в «Письмо» — того нет, этого нет, и я забился чуть ли не в истерике⁴⁸.

Название Абрамов все-таки исправил (вместо «Как живем-кормимся» вернул оригинальное «Чем живем-кормимся»), после чего 17 ноября 1979 года текст вышел в «Правде». В нем были убраны сравнения ситуации в СССР с Финляндией, сетования на пьянство и хулиганство молодежи («К бутылке тянутся не только парни, но и подростки и даже девушки. И уже порой ножом размахивают» [Абрамов 1979: 3]⁴⁹), убраны особенно шокирующие примеры бесхозяйственности и сведения о том, что в селе не только всю работу выполняют женщины, но и в самодеятельности участвуют тоже только они, так что мужчины, следовательно, не делают вообще ничего.

После «правдинской» публикации в СССР была организована кампания по обсуждению «письма» в трудовых коллективах — чего, вероятно, и добивались сторонники Абрамова в ЦК КПСС. В еще одном собрании, прошедшем в Пинежском районе, принял участие сам Абрамов, по-видимому решивший использовать шанс все же реализовать цели, которые он ставил в «Письме землякам» и снова призвать слушателей к более ответственному отношению к труду и к собственности [Немиров 2019].

В «Пинежской правде» с ее относительно небольшим кругом читателей Абрамов мог высказываться довольно откровенно. В «Правде» его статью сильно сократили, зато текст превратился почти в официальный документ, который можно было использовать для психологической мобилизации сельских жителей. На пути из местной прессы в «центральную» Абрамов пытался отстоять самые острые фрагменты с помощью бэкстейджей, но на финальном этапе бэкстейджи оказались невозможными, зато сам Абрамов получил возможность сослаться на свой текст как на получивший поддержку «сверху».

47 Вяйне Линна (1920—1992) — финский писатель, национальный классик.

48 <https://prozhitto.org/note/611497> (дата обращения: 26.03.2022).

49 В Собрании сочинений Абрамова позже публиковался текст, почти совпадающий с публикацией «Пинежской правды», но без этой фразы о пьянстве и преступности (ср.: [Абрамов 1982]).

8. Роль бэкстейджей в позднесоветской культурной динамике

Без такой «дополнительной наладки», как бэкстейджи, институты культурного производства в СССР, по-видимому, работать не могли. Принципы функционирования институтов не могли меняться так же часто, как менялась политика «партии и правительства». Поэтому функционирование институтов нуждалось в уточнениях и корректировке. Бэкстейджи и другие подобные формы «теневой социальности» были необходимы для адаптивности советских институтов, для уменьшения их внутренней конфликтности и для адаптации молодежи в рамках существующих институтов, которые сами подспудно менялись. Сергей Козлов описал результаты позднесоветских бэкстейджей на частном примере «институционального шунтирования», или «вертикального сговора» [Козлов 2020: 276—279], — но после нашего исследования становится понятно, что описанная Козловым стратегия является частью намного более широкой картины.

Проведенный нами анализ бэкстейджей дает основание предложить коррективы к картине позднесоветского общества, описанной в книге Алексея Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось». Юрчак полагает, что позднесоветские публичные институты функционировали в основном стереотипно: те, кто принимал участие в их деятельности, выполняли известный и не очень обременительный ритуал, а вне публичных пространств — жили своей жизнью в «пространствах внаходимости»⁵⁰. Мы же полагаем, что позднесоветские институты могли исправно функционировать только потому, что происходило постоянное уточнение и переопределение «правил игры» на заднем, скрытом от «публики» плане, для того чтобы поддерживать изменчивую реализацию социальных «спектаклей». Знание о возможности такого переопределения было основой «вовлеченности в игру» в терминологии Пьера Бурдьё.

Из концепции А. Юрчака следует, что рядовые участники позднесоветских институтов публичной жизни — такие как, например, сотрудники городских райкомов комсомола, — воспринимали свои выступления на собраниях и митингах как необходимую, но крайне ритуализованную часть своей деятельности, дающую им возможность и право во все остальное время заниматься «настоящей» организационной работой, в гораздо большей степени соответствующей их индивидуальным воззрениям. На наш взгляд, такое «ритуализирующее» представление о позднесоветской публичности не охватывает всю общественную жизнь⁵¹ и не позволяет вполне описать влияние убеждений на культурное производство — хотя бы и подцензурное.

По определению Авнера Грейфа, «институт — это система правил, убеждений, норм и организаций, которые совместно порождают регулярность социального поведения» [Грейф 2013: 56]. «Правила, предписывающие определенное поведение, влияют на него — однако только в том случае, если люди имеют мотив следовать этим правилам. Чтобы некие правила были частью определенного института, у индивидов должен быть мотив следовать им» [Там же: 56—

50 См., например: [Юрчак 2014: 73—74].

51 И даже партийно-комсомольская «полупубличность» не охватывается целиком концепцией Юрчака — при всей ее плодотворности и научной значимости (см., например: [Митрохин 2013]).

57]. Грейф включает в число обсуждаемых им мотивов простой страх репрессий, но мы рассматриваем не рутинизированное поведение, а культурное производное, и поэтому имеем в виду «убеждения» в более узком смысле: представления о том, что некоторый путь социального действия является осмысленным, то есть позволяет наделить смыслом повседневную жизнь субъекта.

Грейф пишет: «Предлагаемое нами определение [институтов] объединяет структурную и функциональную точки зрения, признавая тем самым двойственную структуру институтов как одновременно рукотворных и экзогенных для каждого индивида, на чье поведение они влияют» [Там же: 68]. На наш взгляд, такая диалектическая трактовка очень продуктивна для описания позднесоветского общества: правила экзогенны, то есть каждый актер литературного поля воспринимает их как *уже существующие* на момент его/ее литературной профессионализации, но актеры понимают и то, что эти правила рукотворны, то есть изменимы, хотя и в ограниченных пределах. Это понимание складывается собственно из знания уже существующих правил — как мы показали, оно формируется очень постепенно — и из знания о том, как в разных ситуациях эти правила удавалось обойти или несколько «сдвинуть». Оба эти представления формируются с помощью бэкстейджей.

Готовность участвовать в борьбе за изменения или обход правил была основана не на молчаливом согласии участвовать в ритуалах, но на убеждениях, спектр которых простирался от стремления к инновации в искусстве (Марк Харитонов) до критики окружающей социальной действительности (случай Федора Абрамова и многих других). В советском поле культурного производства убеждения все время были «в игре» — другое дело, что само это поле позволяло только компромиссную, очень ограниченную реализацию эстетических и этических задач в искусстве.

Юрчак понимает перформативность близко к тому, как ее понимает Гофман: как исполнение заранее известного и отрепетированного сценария или спектакля. Мы полагаем, что перформативность, на которой основывалось функционирование позднесоветской публичной сферы, могла быть более импровизационной, чем это предполагалось ранее. Другими словами, по крайней мере в сфере культурного производства, участники процесса не только поднимали руки в ответ на вопрос «Кто за?», но и боролись за то, что будет сказано со сцены — из-за «стола, покрытого сукном и с графином посередине», и готовы были оспаривать окончательность сказанного. Существование бэкстейджей позволяло участникам культурного производства — а возможно, и других сфер — осуществлять разовые и непредсказуемые «интервенции в действительность», что, как ни странно, делало советские институты более жизнеспособными.

Проблема, однако, состояла в том, что совершенные *ad hoc* нарушения или обходы неписанных правил не становились новой системой, не запоминались. Изменения в правилах, привнесенные благодаря работе бэкстейджей, большей частью оставались однократными. Поэтому описанный нами социальный механизм способствовал не только публикации инновативных, критических или скандальных (например, антисемитских⁵²) текстов, но и их «обез-

52 Так, мемуары В. Матусевича показывают, какой ожесточенной закулисной борьбой и компромиссами с цензурой сопровождалась в 1979 году публикация в «Нашем современнике» одноязычного антисемитского романа Валентина Пикуля «У последней черты» (первоначальное название — «Нечистая сила»).

зараживанию»: такие тексты превращались в часть подцензурного литературного поля.

9. Вместо эпилога: как читать литературу позднесоветского времени с помощью концепции бэкстейджей

Описанная в этой статье картина советского культурного производства позволяет заново прочитать некоторые произведения, созданные в позднесоветское время. Так, например, теперь можно сказать, что в повести Сергея Довлатова «Компромисс» (1973—1980, первая публикация — 1981), состоящей из отдельных новелл, сюжет во многом основан на изображении бэкстейджей обоих видов: освоение правил неопытным «игроком» и кооперации, направленные на их обход. Освоение правил, непрозрачных и нечетких, красочно описано в первой новелле:

Появляется редактор Туронок, елейный, марципановый человек. Тип застенчивого негодяя. На этот раз возбужден:

— Вы допустили грубую идеологическую ошибку.

— ?

— Вы перечисляете страны...

— Разве нельзя?

— Можно и нужно. Дело в том, как вы их перечисляете. В какой очередности.

Там идут Венгрия, ГДР, Дания, затем — Польша, СССР, ФРГ...

— Естественно, по алфавиту.

— Это же внеклассовый подход, — застонал Туронок, — существует железная очередность. Демократические страны — вперед! Затем — нейтральные государства. И наконец, — участники блока...

— О'кей, — говорю.

Я переписал информацию, отдал в секретариат.

Назавтра прибегает Туронок:

— Вы надо мной издеваетесь! Вы это умышленно проделываете?!

— Что такое?

— Вы перепутали страны народной демократии. У вас ГДР после Венгрии. Опять по алфавиту?! Забудьте это оппортунистическое слово! Вы работник партийной газеты. Венгрию — на третье место! Там был путч.

— А с Германией была война.

— Не спорьте! Зачем вы спорите?! Это другая Германия, другая! Не понимаю, кто вам доверил?! Политическая близорукость! Нравственный инфантилизм! Будем ставить вопрос...

За информацию мне уплатили два рубля. Я думал — три заплатят... [Довлатов 2017: 185—186]

В третьей новелле главный герой в диалоге с коллегой придумывает способ, как могла бы срочно вернуться в родной Саратов молодая женщина по имени Алла⁵³, приехавшая в Таллин за приключениями: он берет у Аллы интервью,

53 Впрочем, герой сомневается в том, что названное молодой женщиной имя подлинное.

где представляет ее как романтическую героиню, которая не расстается с томиком Блока и изучает готическую архитектуру. Денег, полученных за это интервью, Алле хватает как раз на то, чтобы добраться до Саратова [Там же: 190—200]. Это способ «подкормки» человека, оказавшегося в сложной жизненной ситуации.

Повесть Довлатова называется «Компромисс» и состоит из новелл, озаглавленных «Компромисс первый», «Компромисс второй» и т.д. Так Довлатов указывает на то, что работа в газете «Советская Эстония» — его, или, точнее, его автобиографического героя — была цепочкой компромиссов, нравственных и эстетических. Бесчисленными вынужденными компромиссами была полна жизнь не только главного героя, но и большинства его коллег по газете. Сегодня мы можем увидеть в этой повести еще один смысловой слой. Персонажам Довлатова удавалось выпускать главную партийную газету Эстонской ССР только ценой ежедневных нарушений неписаных правил или их игнорирования, а для этого персонажам было необходимо договариваться и кооперироваться. По-видимому, так и работали все позднесоветские организации. Этот опыт на эмоциональном уровне известен всем, кто участвовал в социальной жизни в 1970—1980-е годы, но сегодня пришло время сделать его предметом теоретической концептуализации.

Список информантов

- И-1 — Ж59, переводчик, культуролог
- И-2 — Ж81, поэт
- И-3 — М73, критик, редактор
- И-4 — М79, поэт, прозаик, историк литературы
- И-5 — М74, критик, литературовед
- И-6 — М57, критик, литературовед, историк культуры
- И-7 — Ж76, критик, литературовед, редактор
- И-8 — М71, поэт, литературовед
- И-9 — М85, историк, прозаик, редактор
- И-10 — Ж69, критик, прозаик, редактор

Литература / References

- [Абрамов 1979] — Абрамов Ф. Чем живем-кормимся: Открытое письмо землякам // Пинежская правда. 1979. 18 августа. С. 2—3.
- (*Abramov F. Chem zhiviyom-kormimsya: Otkrytoe pis'mo zemlyakam // Pinezhskaya pravda. 1979. August 18. P. 2—3.*)
- [Абрамов 1982] — Абрамов Ф. Чем живем-кормимся: Открытое письмо землякам // Абрамов Ф. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Л.: Советский писатель, 1982. С. 666—674.
- (*Abramov F. Chem zhiviyom-kormimsya: Otkrytoe pis'mo zemlyakam // Abramov F. Sbranie sochineniy: In 3 vols. Vol. 3. Leningrad, 1982. P. 666—674.*)
- [Аксенов 2015] — Аксенов В.П. «Ловите голубиную почту...» Письма (1940—1990 гг.) / Сост. В.М. Есипов. М.: Издательство АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2015.
- (*Aksionov V.P. "Lovite golubinuyu pochtu..." Pis'ma (1940—1990 gg.). Ed. by V.M. Esipov. Moscow, 2015.*)

- [Антипина 2005] — *Антипина В.* Повседневная жизнь советских писателей. 1930—1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005. (*Antipina V. Povsednevnaia zhizn' sovetskikh pisateley. 1930—1950-e gody. Moscow, 2005.*)
- [Велехов 2020] — *Велехов Л.* Мы не умели прогибаться! // Радио Свобода. 2020. 2 мая (<https://www.svoboda.org/a/29886331.html> (дата обращения: 26.03.2022))⁵⁴.
- (*Velexhov L. My ne umeli progibat'sya! // Radio Svoboda. 2020. May 2* (<https://www.svoboda.org/a/29886331.html> (accessed: 26.03.2022))⁵⁵.)
- [Воронина, Соколова 2021] — *Воронина Т., Соколова А.* Мыслить как коммунисты: протоколы сельских партсобраний «эпохи развитого социализма» // Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России. Сборник статей / Сост. Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 372—415.
- (*Voronina T., Sokolova A. Myslit' kak kommunisty: protokoly sel'skikh partsobranii "epokhi razvitogo sotsializma" // Nesovershennaya publichnaya sfera. Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii. Sbornik statey / Ed. by T. Atnashev, T. Weiser, M. Velizhev. Moscow, 2021. P. 372—415.*)
- [Гаспаров 2008] — *Гаспаров М.Л.* Ваш М.Г.: Из писем Михаила Леоновича Гаспарова. М.: Новое издательство, 2008.
- (*Gasparov M. Vash M.G.: Iz pisem Mikhaila Leonovicha Gasparova. Moscow, 2008.*)
- [Горьева, Антипина 2015] — «Мы предчувствовали полыханье...» Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны: В 2 т. / Под ред. Т.А. Горьевой; сост. В.А. Антипина и др. М.: РОССПЭН, 2015.
- (“*My predchuvstvovali polykhan'e...*” Soyuz sovetskikh pisateley SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: In 2 vols / Ed. by T.A. Goriaeva; comp. by V.A. Antipina et al. Moscow, 2015.)
- [Гофман 2000] — *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
- (*Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life / Introd. by A.D. Kovalyov. Moscow, 2000. — In Russ.*)
- [Грейф 2013] — *Грейф А.* Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли / Пер. с англ. И. Кушнаревои; вступ. ст. М. Юдкевич. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.
- (*Greif A. Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade / Introd. by M. Yudkevich. Moscow, 2013. — In Russ.*)
- [Довлатов 2017] — *Довлатов С.* Компромисс // Довлатов С. Собрание прозы: В 4 т. Т. 1. СПб.: Азбука, 2017. С. 181—342.
- (*Dovlatov S. Kompromiss // Dovlatov S. Sobranie prozy: In 4 vols. Vol. 1. Saint Petersburg, 2017. P. 181—342.*)
- [Земцовский 1979] — *Земцовский В.* Депутаты Верколы о письме Федора Абрамова // Пинежская правда. 1979. 4 сентября. С. 2.
- (*Zemtsovskii V. Deputaty Verkoly o pis'me Fedora Abramova // Pinezhskaya pravda. 1979. September 4. P. 2.*)
- [Козлов 2020] — *Козлов С.Л.* Имплантация: Очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- (*Kozlov S.L. Implantatsiya: Ocherki genealogii istoriko-filologicheskogo znaniya vo Frantsii. Moscow, 2020.*)
- [Кондратович 1991] — *Кондратович А.* Новомирский дневник. 1967—1970. М.: Советский писатель, 1991.
- (*Kondratovich A. Novomirskiy dnevnik. 1967—1970. Moscow, 1991.*)
- [Крелин 2003] — *Крелин Ю.* Извивы памяти: Врачебное свидетельство. М.: Захаров, 2003.
- (*Krelin Iu. Izvivy pamyati: Vrachebnoe svidetel'stvo. Moscow, 2003.*)
- [Майофис 2014] — *Майофис М.Л.* «Решающий рецепт»: проект автономизации школьной системы в позднесталинском СССР // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2014. Вып. 2 (33). С. 65—82.
- (*Mayofis M.L. "Reshaiushchii retsept": proekt avtonomizatsii shkol'noy sistemy v pozdnestalin'skom SSSR // St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology. 2014. No. 2 (33). P. 65—82.*)
- [Майофис 2016] — *Майофис М.* Повесть М. Бременера «Пусть не сошлось с ответом!» (1956) и программа обновления педагогики и литературы в советском обществе начала «оттепели» // Детские чтения. 2016. Т. 10. № 2. С. 53—69.
- (*Mayofis M. Povest' M. Bremenera "Pust' ne soshlos' s otvetom!" (1956) i programma obnovleniya pedagogiki i literatury v sovetskom obshchestve nachala "ottepeli" // Detskie chteniya. 2016. Vol. 10. No. 2. P. 53—69.*)

54 «Радио Свобода» признано в Российской Федерации некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента.

55 “Radio Svoboda” is declared “a foreign agent” in Russian Federation.

- [Майофис 2017] — *Майофис М.* Общество по борьбе с ханжеством: Об одной незамеченной тенденции в литературе 1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2017. № 1 (143). С. 91—109.
- (*Mayofis M.* Obshchestvo po bor'be s khanzhestvom: Ob odnoy nezamechennoy tendentsii v literature 1950-kh godov // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. No. 1 (143). P. 91—109.)
- [Майофис, Кукулин 2019] — *Майофис М., Кукулин И.* Языковое конструирование образовательной политики и история советского образования: прологемы к теме // Понятия, идеи, конструкции: Очерки сравнительной исторической семантики / Под ред. Ю. Кагарлицкого, Д. Калугина, Б. Маслова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 392—444.
- (*Mayofis M., Kukul'in I.* Yazykovoe konstruirovaniye obrazovatel'noy politiki i istoriya sovetskogo obrazovaniya: prolegomeny k teme // Ponyatiya, idei, konstruksii: Ocherki sravnitel'noy istoricheskoy semantiki / Ed. by Iu. Kagarlitskiy, D. Kalugin, V. Maslov. Moscow, 2019. P. 392—444.)
- [Маневич 1998] — И. М. Маневич: «Повторится ли сорок восьмой?» (Из дневника) / Публ. Е. Долгопят, М. Карасевой // Кинематограф оттепели: документы и свидетельства / Сост. В. Фомин. М.: Материк, 1998.
- (I. M. Manevich: "Povtoritsya li sorok vos'moy?" (Iz dnevnika) / Publ. by E. Dologopiat, M. Karaseva // Kinematograf ottepeli: dokumenty i svidetel'stva / Comp. by V. Fomin. Moscow, 1998.)
- [Матусевич 2000] — *Матусевич В. А.* Записки советского редактора. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
- (*Matusevich V. A.* Zapiski sovetskogo redaktora. Moscow, 2000.)
- [Минченко 2002] — *Минченко Д.* Как нам было страшно! Найден подлинник речей Хрущева перед советской интеллигенцией // Огонек. 2002. 3 марта (<https://www.kommersant.ru/doc/2289979> (дата обращения: 26.03.2022)).
- (*Minchenok D.* Kak nam bylo strashno! Nayden podlinnik rechey Khrushcheva pered sovetskoy intelligentsiyey // Ogonek. 2002. March 3 (<https://www.kommersant.ru/doc/2289979> (accessed: 26.03.2022)).)
- [Митрохин 2003] — *Митрохин Н.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953—1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- (*Mitrokhin N.* Russkaya partiya: Dvizheniye russkikh natsionalistov v SSSR. 1953—1985 gody. Moscow, 2003.)
- [Митрохин 2013] — *Митрохин Н.* Backoffice Михаила Суслова, или Кем и как производилась идеология брежневского времени // Cahiers du monde russe. 2013. Vol. 54. No. 3—4. P. 409—440.
- (*Mitrokhin N.* Back-office Mikhaila Suslova, ili Kem i kak proizvodilas' ideologiya brezhnevskogo vremeni // Cahiers du monde russe. 2013. Vol. 54. No. 3—4. P. 409—440.)
- [Немиров 2019] — *Немиров П. И.* Федор Абрамов и его земляки. Архангельск: Кира, 2019.
- (*Nemirov P. I.* Fedor Abramov i ego zemlyaki. Arkhangel'sk, 2019.)
- [Пантелеев, Чуковская 2011] — *Пантелеев Л., Чуковская Л.* Переписка (1929—1987) / Предисл. П. Крючкова. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- (*Panteleev L., Chukovskaja L.* Perepiska (1929—1987) / Forew. by P. Kriuchkov. Moscow, 2011.)
- [Ромм 1989] — *Ромм М.* Устные рассказы. М.: Союз кинематографистов СССР, В/О «Киноцентр», 1989.
- (*Romm M.* Ustnye rasskazy. Moscow, 1989.)
- [Симонов 1979] — *Симонов К.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1979.
- (*Simonov K.* Sobranie sochineniy: In 10 vols. Vol. 1. Moscow, 1979.)
- [Солженицын 1973] — *Солженицын А.* Собрание сочинений: В 6 т. 2-е изд. Т. 6. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1973.
- (*Solzhenitsyn A.* Sobranie sochineniy. In 6 vols. 2nd ed. Vol. 6. Frankfurt am Main, 1973.)
- [Стругацкий А., Стругацкий Б. 1979] — *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Понедельник начинается в субботу // Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. Фантастические повести. М.: Детская литература, 1979. С. 5—224.
- (*Strugatskiy A., Strugatskiy B.* Ponedel'nik nachinaetsya v subbotu // Strugatskiy A., Strugatskiy B. Ponedel'nik nachinaetsya v subbotu. Fantasticheskie povesti. Moscow, 1979. P. 5—224.)
- [Урри 2012] — *Урри Дж.* Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. ст. Н. А. Харламова. М.: Праксис, 2012.
- (*Urry J.* Mobilities / Intro. by N. A. Kharlamov. Moscow, 2012. — In Russ.)
- [Фомин 1998] — Кинематограф оттепели. Документы и свидетельства / Сост. В. Фомин. М.: Материк, 1998.
- (*Kinematograf ottepeli. Dokumenty i svidetel'stva / Comp. by V. Fomin. Moscow, 1998.*)
- [Харитонов 2010] — *Харитонов М.* Стенография конца века. Из дневниковых записей 1975—1999 гг. München: Im Werden-Verlag, 2010 (https://imwerden.de/pdf/kharitonov_stenografiya_konta_veka_1975-1999.pdf (дата обращения: 26.03.2022)).

- (*Kharitonov M. Stenografiya kontsa veka. Iz dnevnykh zapisey 1975—1999 gg.* München, 2010 (https://imwerden.de/pdf/kharitonov_stenografiya_kontsa_veka_1975—1999.pdf (accessed: 26.03.2022)).)
- [Чудакова 2007] — *Чудакова М.О.* Язык распавшейся цивилизации. Заметки к теме // Чудакова М. Новые работы: 2003—2006. М.: Время, 2007. С. 254—348.
- (*Chudakova M.O. Yazyk raspavsheysya tsivilizatsii. Zametki k teme* // Chudakova M. Novye raboty: 2003—2006. Moscow, 2007. S. 254—348.)
- [Шмелева 1993] — *Шмелева Т.В.* Ключевые слова текущего момента // Collegium: Международный научно-художественный журнал (Киев). 1993. № 1. С. 33—41.
- (*Shmeleva T.V. Klyuchevye slova tekushchego momenta* // Collegium: Mezhdunarodny nauchno-khudozhestvennyy zhurnal (Kiev). 1993. №1. P. 33—41.)
- [Юрчак 2014] — *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Предисл. А. Беляева; пер. с англ. [автора]. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- (*Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation* / Introductory by A. Belyaev. Moscow, 2014. — In Russ.)